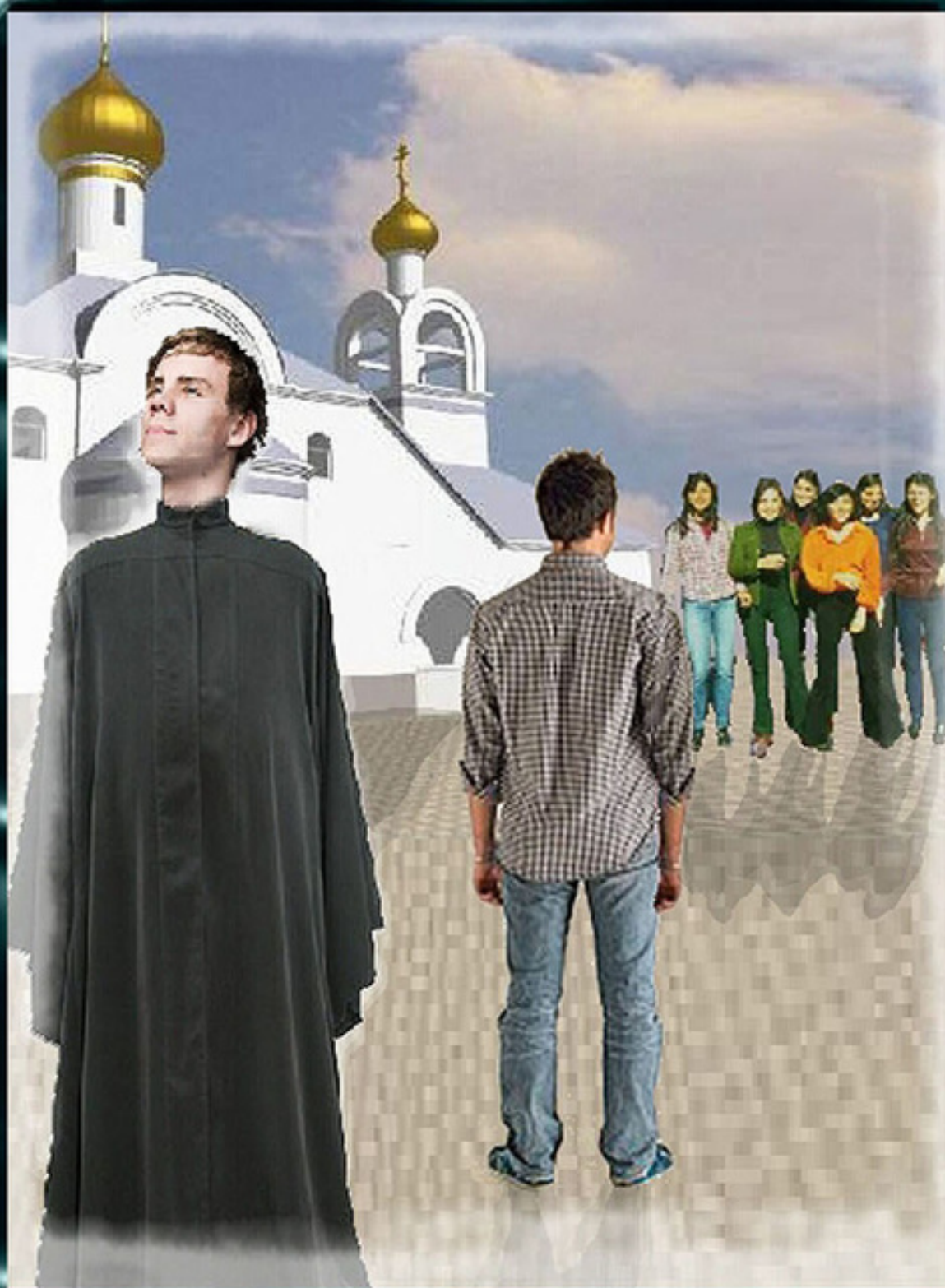

Георгий КАЮРОВ

ПО ТУ СТОРОНУ

@ЭЛИТА

16+

Георгий Каюров
По ту сторону (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Каюров Г.

По ту сторону (сборник) / Г. Каюров — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Очередной сборник «По ту сторону» члена Союза писателей России Георгия Каюрова состоит из небольших повестей и рассказов. Сборник не оставит читателя равнодушным так как он прочитывается на одном дыхании, ведь сюжеты Георгия Каюрова взяты из современной жизни, а его герои – это люди, живущие в наше время, среди нас. Иногда они попадают в сложные жизненные ситуации, требующие от них непростого выбора. Не всегда эти люди вызывают восхищение и уважение. Автор признаёт и принимает «сложность жизни» в её полноте, поэтому в его задачу не входит изображение идеальных героев или абсолютных злодеев. Следуя высоким традициям русской литературы, Георгий Каюров проживает жизнь своих персонажей вместе с ними, и в его произведениях явственно видно, что тот или иной поворот сюжета является для автора неожиданным открытием, поражающим его так же, как и читателя. Не удивляйтесь, если какой-то из рассказов словно «пригвоздит» вас. Это признак настоящего творчества – когда автор, начиная произведение, не знает, что произойдёт с его героем в следующий момент, и чем вообще всё закончится, поэтому натягивает сюжетную линию, как тетиву....

© Каюров Г., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

По ту сторону	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Георгий Каюров

По ту сторону

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

По ту сторону

В воротах семинарии размахивал метлой хмурый мужик-дворник. Он, словно маятник, закидывал метлу то вправо, то влево, курсируя от одного вратного столба к другому. Работал дворник на загляденье, – картину с него пиши. И почему-то в шляпе. Нахлобученная на глаза шляпа выглядела некоторой вольностью в дворницком одеянии. Дворник отвечал мне, не прерывая своего занятия. То ли испортили ему с утра настроение, и он пытался выместить сердитость на метле и мусоре, то ли видел-перевидывал таких, как я, и отвлекаться по пустякам не собирался. Он только раз нарушил маятник, махнул метлой выше обычного в сторону корпуса с четырьмя колоннами в глубине двора.

– Туда ступай. И не дворник, а сторож, – неожиданно для меня пояснил он. Я опешил. Стронясь, обошел сторожа от греха подальше. Попытался разглядеть его лицо, но не без охоты быстро ретировался. «Откуда он знает, что про себя я назвал его дворником? Примус хренов». Навесил я на сторожа-дворника прозвище.

Не спеша я пересекал двор семинарии, направляясь к зданию, на которое указал Примус. Хотелось основательнее рассмотреть обитель, в которой решил провести четыре года жизни. У здания с колоннами остановился и оглядел его, потолкал на прочность колонны перед входом, даже не знаю зачем, скорее так, ради смеха. То, что это административный корпус и догадываться не стоило – справа от входа, чёрным квадратом с бронзовыми буквами «Ректор» красовалась стеклянная вывеска. У парадных дверей задержался, рассматривая на них сюжеты. Это были запечатлённые в резьбе по дереву события из Библии. Только Иисус на них какой-то ненастоящий. Если это вообще он...

– Парень! – раздался за моей спиной голос. Я не спешил оборачиваться, во-первых – чтобы не потерять сюжет в витиеватой резьбе, во-вторых, скорее всего, – из вредности. Окликнувшему не терпелось, и меня мягко взяли за плечо, настойчиво давая понять – «парень» адресуется именно мне. Решение сыграть убогого горбуна пришло само собою и как-то вдруг. Я прищурился, подслеповато заморгал, изогнул шею набок, отвесив нижнюю губу и коряво оборачиваясь, посмотрел снизу вверх. Сама природа тоже решила подыграть. От пристального рассматривания рисунка и ударившего в глаза солнечного света потекли слёзы. Я едва проморгался, так обильно они проступили. Это тоже придало правдивости образу. Моему взору предстали двое – молодой человек, рука которого не спешила покидать моего плеча, он и обратился ко мне, и святой отче – высокого роста, ширококостный, крупный мужик, килограммов под сто двадцать, с сытой физиономией, но не толстый. Впечатлительный юноша сразу проникся моим образом, и, борясь с нахлынувшей вдруг жалостью, которая мгновенно лишила его уверенности, едва отодрал от меня свою руку. С силой, на какую был только способен сострадать, он сгрёб на груди рубаху и сжал что было мочи. Лицо его страдальчески застыло, передав и боль, с которой жгло ему ладонь. Он напрягся и словно окаменел в растерянности: что же делать? И святому отцу хотелось угодить, и убогого зазря потревожил. Удалось! Я ликовал от удачного розыгрыша. С этим было покончено! Слабак! В последний раз окинув взглядом юношу, – глист-глистом, я перевёл взгляд на второго визитера. Благочинный же, облачённый в иссиня-чёрную рясу и белоснежный клобук – скуфью со шлейфом, сквозь прищур, с искрящейся хитрецей в зрачках, рассматривал импровизатора-горбуна и не спешил, ожидая, когда же всё-таки пропустят. На груди у него красовалась золотая панагия – четырёхконечный крест, весь в разноцветных камнях, а рука опиралась на резной посох, облепленный такими же камнями, с натёртым до блеска латунным набалдашником. Священник как-то подозрительно перебрал пальцами по посоху. «Не огрел бы сдуру юродивого, – мелькнула у меня мысль. – Пора кончать с представлением», – но я не знал, как выйти из ситуации, и потому уставился обоим под ноги, выражая покорность и чтобы не видеть посох, вдруг ставший мне ненавистным. Молодой

человек застыл, обречённо склонив голову. Мне стало искренне жаль его. К тому же не хотелось больше искушать терпение святого отца. Я потянул за ручку, открывая дверь, и отступил, кочевряжась, доигрывая сцену. Мне на помощь бросился юноша, облапив мою руку своими мокрыми ладонями. Его трясло не на шутку. Святой отец, как скала, сдвинулся с места и проследовал мимо нас.

– Хорош, дьявол! – не смог удержать я восхищения. Парень зло цыкнул и больно ущипнул меня. Святой отец наделил нас косым взглядом из-под густых бровей и проследовал в здание, обдав потоком разрезаемого воздуха и дорогими ароматами. Когда здоровенная дубовая дверь закрылась, оградив святого отца от остального мира, парень с шумом выдохнул. Но, стоило мне разогнуться, принимая свой нормальный рост, он, по-девчачьи сжав кулаки, накинута на меня, рассмешился ещё сильнее.

– Ты с ума сошёл! Это же сам митрополит Владимир, ректор духовной семинарии! Нашёл, перед кем юродивого разыгрывать! – паренёк ещё много наговаривал разных страшилок, а я восхищался красивой согласованностью его эмоций, не меньше, чем колоритностью ректора. Розыгрыш удался, и настроение должно было быть у меня преотменное, но что-то, не до конца осознанное его подпортило. Меня взволновало сообщение Виктора. Я нуждался в том, чтобы всё замерло хоть на мгновение.

– Ты кто? – коротким вопросом я прервал монолог моего визави. Мне надо было сосредоточиться над этим неосознанным. Мой вопрос остудил пыл незнакомца, или охладило его что-то другое, о чём он подумал, выказывая молниеносное ориентирование в складывающихся ситуациях. Он запнулся, решая, стоит ли представляться, а мне хватило времени выстроить мысли в стройный ряд. Не до конца согласившись с внутренними противоречиями, паренёк тихо назвал своё имя:

– Виктор.

– Не дрейфь, Витя! – для первого знакомства я панибратски потрепал Виктора за плечо и устремил взгляд на двери, за которыми скрылся ректор. – На каждого Витя, у господ нашего есть козырная карта, – проговорил я, скорее выдавая размышления вслух, нежели желая пооткровенничать со своим новым знакомым.

Скорая и при странных обстоятельствах встреча с ректором семинарии напомнила мне о заветном конверте, даденном отцом перед смертью.

– К богу у каждого своя дорога, свой путь... – мысли зароились у меня в голове. – Через свою жизнь, поступки, даже и неблагоприятные, – снова я поспешил озвучивать личные переживания, избавляясь от них.

– Будем знакомы, – я протянул руку, ещё больше обескураживая и без того теряющегося в круговерти обстоятельств Виктора. – Егор. Можно Юрий, или Георгий, как пожелаешь. Если ты мало-мальски грамотный, как говорил мой отец, то должен откликаться на любое из этих имен. Виктор, недоумевая, пожал плечами и собрался возразить, но я и не хотел слушать его мнение или вопросы и отрезал:

– Одно и то же имя.

– Да? Не знал. Надо обязательно прочитать, – только и нашёлся ответить он.

– Совсем не обязательно, – парировал я и пристальнее всмотрелся в его лицо. «Ну точно глист». – Ты чё тут делаешь?

– Приехал поступать, – Виктор взглядом указал на дубовые двери семинарии.

– То ж, – вздохнул я. – Хотел в архитектурный, там конкурс восемнадцать человек на место. Льготы после армии уже не проходят. На всякий случай заглянул и сюда. Кстати, куда здесь документы сдавать? Ты сдал? Может, поступить ради смеха в семинарию? А, Вить, как думаешь?

– Не знаю. Я сдал, – содрогнувшись от услышанного, промямлил Виктор. – Во второй, – он нервно кивнул в сторону двухэтажного здания, галереей соединяющегося с главным корпу-

сом, и, отвечая на мой второй вопрос, немо протянул руку, указывая направление, по которому надо сдавать документы.

– Веди, – коротко приказал я. – Не дрейфь, Витя, – и с шумом похлопал нового знакомого по спине, желая привести его в чувство. Это подействовало, и ко второму корпусу мы подходили приятелями.

Виктор вёл меня темным узким коридором с низко нависшим арочным потолком. Шли не спеша, чтобы успеть наговориться и закрепить впечатления. Разговор сводился к обычному – где, кто, откуда и почему решил поступать в семинарию, но мне было интересно, и сам я с удовольствием рассказывал о нехитром пути прихода к Богу. Я рассказал о своём детстве, проведённом в храмах и каждодневных молитвах, о том, почему решил сначала поступать в архитектурный, но разваливающееся государство разверзлось пропастью, уничтожив планы стать градостроителем, и моя дорога свернула обратно к церкви. Только раз я прервался, чтобы высказать свою приметливость:

– Такое впечатление, коридор спускается под землю, – отметил я и продолжил рассказывать. Виктор же, хоть сразу бездумно согласился, но занервничал, поглядывая в окна. На его лице появилось напряжение. Я говорил, но краем глаза замечал, – Виктор слушает вполуха и тревожно посматривает по сторонам, сверяясь с окнами. Его напряжение передалось и мне. Мы прекратили разговор и шли, прислушиваясь к звукам и приглядываясь к полу галереи. Несомненно – уровень пола понижался – каждый следующий подоконник оказывался всё ближе к уровню земли за окнами.

– Странно, – тихо заговорил Виктор. – Я ходил этим коридором – сдавал документы в канцелярию, но не обратил внимания. Правда, уходит под землю.

– Ну и что? – вполголоса спросил я.

Виктор не ответил, и мы опять замолчали. Наше напряжение выдал раздавшийся ниоткуда чих. Мы вздрогнули и остановились, вглядываясь в тёмные кутки. Виктор зачистил креститься. Руки его заметно тряслись. Пальцы побелели так, что во мраке засветились. С расширенными от страха глазами я всматривался в полумрак коридора. Опять чихнули, но в этот раз я отчетливо уловил направление звука, инстинктивно обернулся на него, вперившись глазами в пол под стенкой. По правую руку, утонув порогом в черноте углубления, располагалась застекленная филленчатая дверь, своей аркой едва доходившая нам до уровня груди. Венцевала дверь металлическая табличка с едва различимой в сумраке надписью старославянским шрифтом «Библиотека» и загаженная временем и насекомыми. Стёкла выкрашены в ту же краску, что и сама дверь. Красили последний раз, похоже, в очень давние времена, невозможно было разобрать изначального цвета. Может, коричневый?

Не верилось, что за такой дверью располагается библиотека или вообще что-то приличное. В лучшем случае, сырой чулан с ведрами и метлами. Я подцепил дверь пальцами, чтобы проверить, заперта ли она. Дверь, скрипнув, подалась, а нам представился ещё один повод вздрогнуть.

– Заходи-тхи, – прокаркав, чихнули из глубины открывающейся нам неизвестности.

– Заглянем? – вполголоса предложил я, взглянув на побелевшее лицо приятеля.

– Не-е, – запротестовал Глист и собрался улизнуть. – Нам в канцелярию надо, – зашептал он дрожащими губами.

– Чего испугался?

– Я не того... не испугался, – едва живым голосом промямлил Виктор.

– Не дрейфь, – я успел схватить Глиста за рукав и подтянул к себе. – Это же всего лишь библиотека, – подбодрил я товарища и, не буду лукавить, себя тоже. Виктор пытался сопротивляться и отступить, но я крепко держал его руку. Тогда он немо закивал и снова быстро перекрестился.

– Что ты всё крестишься? – зашипел я на него, выдыхая накапливающееся напряжение.

– С богом и в полымя можно...

– Цыц, – не дал я Глисту договорить, увлекая за собою. – Нравится мне Витя у вас. Похоже, учиться будет чрезвычайно интересно.

Чтобы войти в так напугавшую нас дверь, пришлось ступить в черноту ямы, а внутри её спуститься по двум квадратным глинобитным ступеням. Я силой тащил Виктора за собою. Если бы его не охватил ужас и, более того, страх поднять шум и тем самым накликать большей беды, то Глист давно орал бы, как поросёнок перед заклятием. Едва пришло мне в голову это сравнение, я попытался всмотреться в глаза Виктора. Меня всегда изумляло, – как свинья чувствует, что её ведут на заклятие? У Виктора глаза широко таращились и не мигали.

Мы спустились на самое дно ямы, и всё равно потребовалось пригнуться, чтобы войти. За дверью оказалась ещё одна глинобитная ступень. После такого странного входа мы, наконец, очутились в небольшом полуподвале, чуть лучше сырого чулана, в котором вместо ведер и мётел, растянувшись до потолка, стояли в несколько рядов допотопные шкафы, набитые книгами. Освещалась библиотека тремя узкими окнами, выходящими в мирскую жизнь через такие же узкие ямы, но уже со стороны улицы. В них мелькали только ноги прохожих, и проходило немного света, по чьему-то решению достаточного для семинарской библиотечной жизни. В глубине проходов, между шкафами, виднелся огромный письменный стол, с жёлтым пятном от света настольной лампы. К нему-то я и потащил приятеля, держа крепко за руку.

Навстречу нам из-за стола поднялась тощая старуха. Она многосложно распрямлялась, и казалось, ещё секунда, и обязательно упрётся головой в свод потолка, но старуха, наоборот, перегнулась пополам. На столе стояла табличка, указывающая, – перед нами не просто старуха, а секретарь-библиотекарь семинарии. Лицо секретаря-библиотекаря, двери, ступени, шкафы, книги и пол были одного цвета – землисто-коричневыми. Старуха помацала по столу костлявыми клешнями рук и, найдя, что искала, зацепила на нос. А когда разогнулась, на нас уже смотрели, блестя стёклами очков, выпученные глаза.

– Ко мне, отроки? – просипела старуха, проверив, ровно ли стоит табличка с указанием её статуса, и, оправив воротник блузы, добавила: – Что у вас там?

– К вам, матушка, – покорно сторбившись, пролепетал Виктор. У меня появилось ощущение, ещё секунда, и он кинется целовать старухины руки, но Виктор подтолкнул меня к столу, и голос его полился из-за моей спины: – Документики ищем куда сдавать.

– Что у вас там? – переспросила старуха, не обратив внимания на трепет Виктора, и не сводя вопрошающего взгляда с меня. Я достал документы и начал раскладывать на столе, предварительно просматривая каждую бумагу, – свидетельство о рождении, справка об образовании, справка об отношении к воинской службе, направление от приходского священника и благочинного, медицинская справка, справка о крещении, автобиография, анкета и прошение на имя его высокопреподобия отца ректора митрополита Владимира. Старуха внимательно следила за моими действиями, не прикасаясь к раскладываемым бумагам. Когда же я, наконец, закончил, она сложилась в обратную сторону, усаживаясь в кресло, и принялась самолично просматривать документы, перебирая и укладывая их в порядке, только ей понятном. Наступила моя очередь с интересом наблюдать за старушенцией. Мне почему-то показалось, ей не очень-то удобно. И сидит она вовсе не в кресле, а на жёрдочке, как птица. Я тут же прозвал её Птицей.

Наконец, документы проверены и уложены. Птица достала из верхнего ящика стола чистый формуляр и аккуратно записала в него мои данные. После чего согнула его пополам, сделав книжицей и, ещё раз проверив записанное, теперь вытащила из нижнего ящика – амбарную книгу. В ней – тоже оставила мою фамилию. Книга особо привлекла моё внимание. Это был толстый фолиант в латунной оправе с замочком. Ключик торчал в замочке, но старуха им не воспользовалась, только поправила. Пролистывая книгу, Птица, невзначай приоткрыла некоторые тайны. На начальных страницах фамилии выписаны ещё старославянским шриф-

том. Стало быть, этой книге не один десяток лет. Может быть, и сотен, пришёл я к удивительному заключению. Как Птица не старалась прикрыть рукою свою запись, я смог увидеть её почерк, – это был красивый каллиграфический стиль с аккуратно выписанными завитушками.

После сделанной записи в книге старуха раскопала в нагромождениях на столе старый, замусоленный блокнот и, вырвав из него страницу, переписала на неё мою фамилию и присвоенный мне по амбарной книге номер. Затем она всё-таки ещё раз сверила написанный номер с номером в амбарной книге и вручила листок мне:

– Это ваш читательский номер. Запомните его. По нему будете получать книги в библиотеке. Экзамены в понедельник будущей недели, – с этими словами она смела документы в охапку и, опять разложившись, вставая, вручила обратно. – Документы сдавать в канцелярию архимандриту Тихону, – в завершение прокаркала старуха, выбираясь из-за стола и направившись к шкафам. – По коридору до конца, налево и опять до конца. – С этими словами старуха скрылась в недрах библиотеки.

Я не удержался и прыснул. Виктор умоляюще застыл, но это не помогло, из-за шкафа показалась старухина голова и сверкнула толстыми линзами очков.

– Ступайте, – каркнула голова и скрылась.

Мы, собственно, и не собирались задерживаться. Выйдя в коридор, оба с облегчением вздохнули. Я оттого, что вдохнул свежего воздуха, а Виктор с мольбою от греха подальше.

– Что теперь будет? Хоть бы не запомнила, – причитал Виктор.

– Да ладно тебе, – успокаивал я Глиста. – Чего мы такого сделали? Записались в библиотеку, – и в подтверждение покрутил перед его носом, полученным от Птицы листком, заполненным её каллиграфическим почерком.

– Бедная старуха, – шептал Виктор, не обращая внимания на меня, с каждым словом останавливаясь, чтобы перекреститься.

Я не понимал товарища и ожидал объяснений.

– Она, наверное, была в молодости красивая и счастливая, – к странному для меня выводу пришел Виктор, и его глаза округлились.

– Ты чего это вдруг? – опешил я от открытия Виктора.

– Отец мой говорил: если незаслуженно обидел человека, обязательно похвали его в голос. Боженька услышит и простит. Тогда убогий сразу забудет обиду, и навета от него не последует.

– Тьфу ты! – от досады я развернулся и пошёл прочь. Виктор догнал меня и, семеня рядом, затараторил:

– Скоро экзамены. Старуха может запомнить и навредить. Я не могу не поступить. Понимаешь?!

– Чего она запомнит, эта старая мокрица? – не скрывал я своего раздражения.

Услышав слово «мокрица», Виктор, частя, перекрестился трижды. Его состояние настоятельно ещё сильнее, но я не собирался отступать. И всё-таки, от греха подальше, тише добавил:

– Чего такого мы сделали, чтобы запоминать и на экзаменах нам вредить? – я больше не мог смотреть на трясущуюся фигуру товарища. От его вида меня тоже начинало колотить. Совсем раздосадованный, я круто развернулся и пошёл прочь, ища направление, указанное старухой-библиотекаршей, – до конца, налево и до конца.

Переполюнявленный досадой, я со злостью толкнул дверь с табличкой «Канцелярия». Моим глазам открылась захламлённая обстановка светлого кабинета, в дальнем углу которого за столом сидел батюшка и тихо посапывал.

– Гм, гм! – громко кашлянул я.

На меня зыркнули из-под густых бровей выпученные зенки святого отца, и его баритон пропел:

– Неча дверь пинать! По-очему без стука? – справляясь с зевотой пропел отче.

Но едва я собрался выйти, святой отец остановил меня:

– Коль вошёл, стой, – и, пряча свои глазницы под густыми бровями, добавил. – Ожидай своего черёда, – и опять уснул.

«Как же, сон надо досмотреть», – усмехнулся я неприветливости служителя семинарии. – «У-у, раздобрел Сыч». Назвал его Сычом и едва удержался, чтобы не рассмеяться меткости прозвища.

Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, решая, уйти или всё-таки дожидаться «своего черёда». Решение за меня принял встрепенувшийся святой отец:

– Величать меня архимандритом Тихоном. Чего тебе?

– Документы сдать, – сдерживая улыбку сказал я.

– Оно тебе надо?

– Сторож сказал: к вам сдавать, – не понял я святого отца и забеспокоился: туда ли попал? Не серия ли это номер два? Сначала карга-библиотекарша, теперь ещё не хватало архимандрита разозлить. – И вот библиотекарша... – начал было я, но святой отец не дал договорить.

– Для чего? – архимандрит Тихон не сводил с меня пристального взгляда.

– Чтобы в семинарии учиться, – неуверенно пояснил я.

– Ишь ты, – оживился Сыч. – Сразу и учиться, – с этими словами, упершись в поручни кресла, он подтолкнул своё тучное тело и поднялся, коротко прошёлся и резво уселся обратно. – Надо ещё поступить, – лёгкая прогулка стряхнула с архимандрита дремоту, и голос его зазвучал бойчее и с ядовитенкой. – А в семинарию пришёл, что – тоже сторож сказал?

– При чём здесь сторож? – разволновался я, не понимая отца Тихона. По-видимому, ему надоело или расхотелось шпынять отрока, и он сухо заключил:

– Давай, – сквозь зевоту отмахнулся отец Тихон, прикрывая рот пухлыми пальцами. Для этого ему хватило и двух.

Я положил перед архимандритом документы, уложенные старухой-библиотекаршей.

– Так говоришь, Анастасия Игнатъевна видела их? – Сыч не собирался ждать ответа, не глядя ни на меня, ни на документы, смахнул их ручищей себе под ноги на пол и коротко приказал: – Ступай, – и клюнул носом в стол.

Я поспешил покинуть канцелярию и спящего архимандрита. За дверью меня ждал Виктор. Я поморщился от мысли, – документов лишился, и непонятно, приняли их у меня или нет? Не зная ответа, я лихорадочно почесал затылок. Шаг сделан. В бездну ли, по твёрдой ли земле – видно будет только по истечении времени.

– Ну что? – вопросом встретил меня Виктор, прерывая мои тягостные мысли.

– Сдал, – отмахнулся я. – Пошли скорее на улицу, – желая оторваться от товарища и его расспросов, я быстро пошёл искать выход. У самых дверей заметил уходящий влево тёмный коридор. Виктор не отставал. Я ещё злился на Глиста и, желая досадить ему, передумал идти на улицу, резко свернул в тёмный коридор, решив пройтись по нему, тем более где-то там, в его глубине, пробивалась полоска света. Коридор каким-то странным образом был совершенно погружён в холодный, сырой сумрак. Мне казалось, даже воздух, который я вдыхаю, тоже тёмный и сырой. С большим трудом различались надписи на табличках, украшавших каждую дверь. Таблички один в один, как и на дверях библиотеки и канцелярии, указывали, – это именно класс и его номер. Коридор оказался не слишком длинным и заканчивался на полоске света, которая исходила из приоткрытой двери с табличкою «Актальный зал». Я вошёл. Актальный зал замер в собственной пустоте. Свет в него проникал сквозь едва распадающиеся шторы. Чего-чего, а за штору я заглянул. Шторами прикрывались высокие окна, выходящие на городскую улицу. Чтобы с улицы не просматривалось, окна предусмотрительно покрасили белилами. За последние годы, наверное, только мне пришло в голову сунуть сюда нос. Подоконник был покрыт слоем пыли, от времени свернувшейся в лохмотья и усыпан высохшими мухами. В

ответ на моё появление пыльные лохмотья зашевелились, стали перекатываться из стороны в сторону. За окном слышались голоса улицы: шаги пешеходов, шум проезжающих машин, невнятные разговоры. Мне взгрустнулось. Окончательно впасть в меланхолию не дал шорох за спиной, от которого я вздрогнул и обернулся. В дверях стоял Виктор. В этот раз я даже обрадовался его назойливости.

– Айда на улицу, – примирительно сказал я, проходя мимо товарища. Шли молча. Всё-таки я не смог окончательно избавиться от странной грусти. Я чувствовал, как она начала прорасти, сеять в душе непонятную тревогу. Отчего она и откуда взялась? – спрашивал я себя, выскакивая на залитый солнцем двор. Ничего ещё не произошло в моей жизни за последние пару часов. Не считая прихода в семинарию, встречи с ректором, знакомства с чудакватым Виктором, подачи документов Сычу и, конечно, этой странной старухи-Птицы в библиотеке. Это все обычные события, но я ощущал какое-то тревожное возбуждение. Сердце у меня билось как-то болезненно-торжественно от предчувствия коренных перемен в жизни. Меня вдруг пронзила вина перед новым товарищем. Именно с таким чувством я обернулся к Виктору и протянул руку:

– Дружба?

Виктор коряво пожал плечами, втягивая в них голову, улыбнулся глазами, полными слёз, и всунул мне в руку свои холодные пальцы. Оба растроганные примирением, мы обнялись, и от этого почувствовали еще больший прилив сил. Мы были уверены, именно так ведут себя истинные семинаристы. С этой минуты нисколько не сомневались, обязательно поступим. Не сомневались, боженька услышал Виктора и увидел мои искренние преобразования. Ведь начало моей жизни проходило на глазах у бога. Я выучил много молитв, если не сказать – почти все. Я был лишён детства, простаивая часами на службах в церкви. Это тоже должно идти в зачёт. С малых лет я готовил себя идти по стопам отца и поступить в семинарию. Ну, нашло бесовское затмение с этим архитектурным, но Провидение всё-таки привело меня на путь истинный. В конце концов, завет матери будет исполнен. Она-то точно хотела, чтоб я стал батюшкой. И Птица обязательно должна забыть обиду. Иначе не пришло бы в голову назвать её Птицей. Птица – это же не оскорбление? Птица – это божественное создание! С такими рассуждениями я с лёгкостью прогнал из сознания голоса улицы.

До экзаменов оставалось чуть больше недели. С некоторым скрипом нам с Виктором разрешили разместиться в семинарском общежитии.

– Не выпроваживать же вас домой, – скрипел комендант общежития, дьякон Климент, выдавая нам постельное бельё. – Будете болтаться по городу да срамить обитель. Зарубите на носу, – это временно! Не поступите – взашей выгоню.

– Ну, чистый суслик, – вырвалось у меня.

– Чево?! – обернулся дьякон и грозно посмотрел на нас.

– Дом вспомнил, – нашёлся я, – с вами поговорил и о доме заскучал. «И всё-таки суслик, с большой буквы суслик», – подумал я, глядя прямо в глаза дьякона.

– Тота, – удовлетворённо подвёл дьякон.

Угрюмый, неприветливый дьякон развеселил нас с Виктором. Суслик оказался прав – мы не собирались ехать домой, а, как он и предполагал, болтались бы в городе. Может, Виктор и вернулся бы, а мне и ехать некуда. Тем временем Суслик набрал номер, скрежеща диском телефонного аппарата, и дал команду в трубку:

– Поселишь отроков до поступления. Одного в четырнадцатую, а другого в пятнадцатую, – для нас пояснил: – А то начнёте пакостить.

Я не понял уточнений святого отца, и некогда было выяснять, что он имел в виду.

– Вы нас в одну комнату поселите, – не дожидаясь, пока дьякон положит трубку, скороговоркой попросил я.

– Брат Климент, мы бы хотели вместе, – поддержал меня Виктор.

– Не брат я вам, – грубо оборвал дьякон. – Сначала поступите, а потом в братья будешь записываться. Или так, или на улицу. Дежурный общежития ждёт, – и Суслик отвернулся, давая понять, чтобы убирались.

Нас огорчило поведение дьякона. Такое отношение служителя семинарии к нам было первым разочарованием на избранном мною поприще. Чем вызвано подобное самодурство, и как объяснить его? Мы попытались, против воли коменданта, поселиться вместе в одной комнате, но зоркий дежурный проследил, чтобы приказание Суслика было выполнено. И всё же радость нам не удалось омрачить. Во-первых, есть где ночевать, не на улице всё-таки, а во вторых – комнаты наши находились через коридор, дверь в дверь. Застелив постели, счастливые, мы качались на кроватных сетках, глядя друг на друга в открытые двери. Вот мы и в семинарии!

Все дни мы с Виктором проводили за чтением и зубрежкой молитв, собираясь то в его комнате, то в моей. И только ночевать расхотелись восвояси. По совету семинарского сторожа Семена посещали городские церкви и активно знакомились с их служителями. Мы непременно рассказывали всем, что приехали учиться в семинарию. В ответ получали одобрительные напутствия и пожелания. С одним из служителей церкви мы встретились в семинарии и долго стояли посреди двора, разговаривая. Я с гордостью поглядывал по сторонам, и мне показалось, в окнах ректорского кабинета зашевелилась штора. Через пару дней и тени не было сомнения, – мы поступим. Считай, поступили. Ведь батюшки общаются друг с другом и, успели донести ректору о нашей искренности и большом желании учиться в семинарии. Не могли не донести! Чего стоил наш разговор с батюшкой у всех на виду! Ведь не случайно же шевелилась штора? Мы с Виктором не сомневались, обязательно поступим. И если чуть-чуть слабовато будут сданы экзамены, то приемная комиссия не может не учесть нашего сильного желания стать священниками. Такие разговоры воодушевляли сильнее, и мы с Виктором с еще большим усердием зубрили молитвы и простаивали службы в церквях, чтобы нас заметили.

Как-то возвращаясь в семинарию, после вечерней службы в Свято-Георгиевском соборе, мы решили погулять в городском парке. Уставшие, на отяжелевших от долгого стояния ногах, тащились по аллее, подсознательно ориентируясь друг на друга. По молчаливому согласию остановились у одной из лавочек и, не сговариваясь, рухнули на неё. Я сидел и жадно вдыхал воздух свободы, внутренне готовя себя к возвращению в затхлые стены семинарии. Виктор с угрюмым видом возил ногами по земле, выбивая ямки. Нашу молчаливую тишину нарушило приглушённое ржание ломающегося юношеского голоса. Только сейчас мы обратили внимание, на противоположной стороне аллеи за редким кустарником сидела парочка, мало-помалу, как бы нечаянно распуская узел созревающих желаний. Мы как прикованные впились взглядами в молодых людей. Особенно привораживала девушка, которая ещё находилась в том возрасте, когда природные инстинкты порождают милое ощущение удовольствия во всём организме, когда любое прикосновение так раздражающе интересно, когда «можно умереть со смеху» и «лопнуть от счастья» и когда «ах» и «ох» составляют прелестный и несложный словарный запас эмоций.

Стать свидетелями романтической игры молодой пары превратилось для нас в тяжёлое испытание. Не сговариваясь, мы поспешили покинуть парк. И я, и Виктор тащились в обитель, как побитые пустым мешком. Оказавшись за воротами семинарии, посмотрели друг на друга. Я увидел во взгляде Виктора, мирская суета причиняет ему душевные мучения! Не буду лукавить, но меня так же терзала тоска расставания с городским разнообразием и пестротой и, конечно, с увиденной девушкой. Ведь и я мог сейчас сидеть с подружкой в городском саду и любоваться сумерками. Мы прекратили выезжать в город, отдавшись власти семинарского полумрака, в котором, чадая воском и елеем, тускло мерцали одни лишь свечи и лампы. Наше добровольное преждевременное затворничество особенно тяжело переносилось в преддверии

выходных. Я никак не мог уснуть и долго ворочался в постели. С посеревшим утренним небом мне удалось забыться. Зато с самого утра субботы всё забилося и завертелось новизною и предполагаемыми знакомствами.

Меня разбудила необычная оживлённость во дворе, нарушившая господствующий покой. Я открыл глаза с ощущением, что сомкнул их на мгновение. За окном вовсю светило солнце, с самого утра начиная припекать. По всему двору разносился басок сторожа Степана. Он говорил негромко, но как-то из горла, и его голос, как звон большого колокола, возвещал на всю семинарию. Я сорвался с постели и прилип к окну. Вокруг Примуса сгрудились несколько святых отцов разного весового калибра. Они внимательно слушали размахивающего руками сторожа. А вокруг стояли разбросанно отроки – будущие семинаристы. Никто из них прямо не смотрел на чужаков. Отроки искоса разглядывали друг друга, и с надменным хозяйским видом озирали двор и постройки семинарии. Каждый из них старался всем видом показать, вопрос поступления для него решенное дело.

Наконец не одни! – обрадовался я и поспешил будить Виктора, чтобы сообщить долгожданную новость. Мы собрались быстро, чтобы скорее выбежать во двор, ближе рассмотреть новичков и завести новые знакомства. Итак, начали съезжаться будущие наши однокашники.

Когда мы оказались на улице, вереница вновь прибывших парами, с сумками на перевес, прошествовала мимо. Святые отцы следовали не спеша, только искоса взглянув в нашу с Виктором сторону. Зато их отпрыски рассматривали нас с любопытством и нескрываемой завистью. Все желали быть первыми. Мы с Витькой смотрели победителями. Я успел подмигнуть белокурому парню. Он ответил мне важным кивком головы, старался не отставать от отца и соблюдая строй. Из колонны выделился парень-верзила и, подойдя к нам, протянул здоровенную руку:

– Здорово! Семён, – представился новичок. – А вы из какого класса?

– Егор, – назвал я, пожимая протянутую руку. – Мы тоже поступающие.

– О-очень хо-орошо-о, – пропел несколько разочарованный Семён. – Будем вместе учиться. Тогда встретимся на экзаменах.

– Устроишься, выходи, ходим в город, погуляем, – сразу предложил я, а про себя отметил – кувалда, да и только.

– Хорошо. Хотя, думаю, не получится, – почесав затылок, посмотрел в след процессии Семён, но он не успел объяснить, почему. Из колонны к нам обернулся один из святых отцов и грозно поманил его. Верзила сорвался с места догонять, махнув нам: «Потом». Вновь прибывшие, судя по направлению, шли в канцелярию сдавать документы, а затем по знакомому маршруту, к коменданту на поселение.

Зря мы с Виктором ждали вечера, чтобы хоть с кем-то познакомиться. Святые отцы с отроками после организационной суеты разошлись по комнатам и больше не выходили. Мы долго сидели с молитвословами во дворе, но все зря. Только однажды на крыльце общежития появился один из батюшек. Он долго пристально смотрел в сторону сторожки, пока не появился Степан. При появлении сторожа святой отец зычно выкашлялся, и когда Примус обратил на него внимание, поманил его рукою. Примус вразвалочку поплёлся к батюшке. Святой отец терпеливо дождался нахального сторожа, но как только тот приблизился на расстояние вытянутой руки, схватил Примуса за воротник и подтянул к себе. В назревшем гневе, выпучив глаза, отче принялся шептать прямо в ухо сторожу, тем не менее, сунув тому в жменю. Степан взглянул, что ему дал батюшка, и встряхнулся, затоптался на месте в нетерпении, мгновенно преобразился в слух. Едва святой отец закончил, Степан расплылся лстивой улыбкой и подался угодливо вперед. Честного отче больше не интересовала личность сторожа, он невидящим взглядом попрощался со сторожем и ушёл. Степан ещё некоторое время благодарно смотрел вслед батюшке, затем ещё раз проверил, то ли в руке, что увидел, а удостоверившись,

пронёсся мимо нас заводной метлой. Через некоторое время Примус прошелестел в другую сторону и скрылся в общежитии.

Солнце раскаляло брусчатку двора. Мы с Виктором, как два тополя на Плющихе красовались на единственной скамейке, подпирающей стену. Нас безжалостно палило солнце, но мы упорно ожидали, может быть, кто-то из отроков выйдет.

– Пошли отсюда, – предложил я товарищу, но не успел он ответить, как на крыльце общежития показался Примус с довольной физиономией. Выскочив на улицу, Степан снова удостоверился, не обманул ли его святой отец, и то ли лежит у него в руке. То! – говорила его сияющая морда, и отработанно. В этот раз он проходил мимо нас вальяжно.

– Стало быть, задание святого отца отработано, – с иронией прокомментировал я свои наблюдения.

– Что ты сказал? – не понял Виктор.

– Так, ничего, мысли вслух, – отмахнулся я от товарища. – Слышь, Примус! – но сторож словно оглох. – Степан! Чего они там делают?

– Читают церковнославянские книги и зубрят молитвы, – многозначительно воздев перст кверху, полупшепотом произнес Степан. Тут же оценивающе окинув нас с ног до головы, добавил. – Не то, что вы, лоботрясы, – и удалился к себе в сторожку. На сегодня о Примусе можно было забыть, и причиной тому – срубленный у святого отца барыш.

– Что это с ним? – удивился неожиданной перемене сторожа Виктор.

– Барыш помутил ему разум, – с тоскою ответил я.

– Какой ещё барыш? – не поняв, переспросил Глист.

– А, отстань. Пошли домой, – настроение у меня испортилось не на шутку. Мне не хотелось пересказывать сцену, свидетелем которой я оказался и, которая прошла мимо внимания Виктора.

Мы с Виктором, разочарованные, отправились восвояси. Наше чувство гостеприимства оказалось попраным, и меня опять посетили смутные сомнения. Пока поверхностное знакомство с духовным миром успело дважды испортить настроение и усомнить в избранном пути. Но я не привык отступать, а если и останавливаться, то, доведя начатое дело до логической развязки. Я нашёл себе успокоительное объяснение в том, что это всего лишь трудное начало в новых складывающихся обстоятельствах, и предстоит выработать личное отношение к вере и Богу персонально. Не могут люди быть одинаковыми. У каждого свой путь к богу. С такими мыслями я укладывался спать. Виктора тоже будоражили тяжёлые думы, но он всё-таки склонился на вечернюю молитву. Я же решил сегодня пропустить и выспаться грешником. Может быть, не таким уж и заклятым, поскольку не было поводов грешить телесно, но за крамольные мысли следовало обратиться перед сном к Богу.

Следующий день не принёс особых изменений и новых знакомств. Святые отцы отправились в соседний с семинарией храм, в котором и провели весь день. Неряшливые их отроки с распатланными волосами слонялись по тёмным коридорам и закоулкам семинарии с молитвенниками в руках и всё зубрили и зубрили, делая вид, что им нет дела друг до друга. Особо усердствовали, когда мимо проходил кто-то из служителей семинарии. Тогда они начинали декламировать молитвы в голос и одаривали проходивших заискивающими улыбками. Некоторые отважились и подбегали, хватали и прикладывались к руке священнослужителя. Тот в свою очередь шарахался и прибавлял ходу, чем ставил в затруднение льстеца. Но ненадолго! Со следующим проходящим всё повторялось. В перерывах зубрёжки отроки бесшумно перемещались, озираясь, прислушивались к загадочному семинарскому молчанию, заглядывали в пустые аудитории и всматривались в угловые тени. Нам с Виктором ни с кем ещё не довелось познакомиться, но враждебность в нас зрела. К кому бы я не подходил, тот сразу ретировался, как чёрт от ладана. В каждом отроке я пытался разглядеть вчерашнего единственного знакомого Семёна, но тот как сквозь землю провалился. И чёрт с ними!

Вечером сторож Степан встречал возвращающихся святых отцов ударом в дворовый колокол, которым служила корабельная рында. Орава святых отцов шла, мирно беседуя. И только раскрасневшиеся их лица и слегка подсиненные изрытые носы говорили о том, что их обладатели только что встали из-за сытного стола, во время которого и выпить подавали.

– Всем поступающим собраться в актовом зале, – на весь двор громогласно возвещал Примус, приглашая на всеобщий сбор будущих семинаристов.

– Разгорланился, окаянный. Всю преисподнюю созовёшь, ирод, – прикрывая ухо, выругался проходивший рядом со сторожем, один из святых отцов, которому досталось больше всего от колокола и Степана.

Мы с Виктором тоже отправились на собрание. В актовом зале восседал наш старый знакомый – ректор семинарии митрополит Владимир. После той, памятной мне и неожиданной встречи, до сего дня не довелось больше встречаться с ректором. Зато составлял отцу Владимиру компанию отец Михаил, с которым мы тоже успели за прошедшую неделю познакомиться. Отец Михаил служителем соседнего собора. Как впоследствии выяснилось, он – преподаватель семинарии. Мы встретились с отцом Михаилом в одно из посещений храма и поддерживали хорошие отношения. Правды ради, я не сделал для него исключения, навесив – Барсука. Бедное животное!

Здесь же находился и заведующий канцелярией архимандрит Тихон. Сыч! Слева от ректора мирно сидел и, как мне показалось, дремал мужчина с тучной фигурой. Если бы не его полосатый костюм, я точно решил бы – поп. Уж очень физиономия его походила на поповскую. Словно скрывшись в темноте угла, за маленьким столиком спряталась старуха из библиотеки. Интересно! Дьявол и Птица служили одному делу!

Когда мы вошли, отец Михаил едва заметно кивнул нам, но жест его не остался незамеченным. Ректор оборотился в нашу сторону и, пока мы не уселись, провожал пристальным взглядом. Барсук зашептал ректору на ухо. Мне очень хотелось узнать, о чём поведал, потому что я не сомневался, – говорили о нас. Ректор отстранился и всё с тем же, уже знакомым мне прищуром посмотрел в нашу с Виктором сторону. Несмотря на то, что в актовом зале присутствовало несколько человек, всё равно сохранялась тишина. Отец Михаил так тихо шептал, что был слышен скребущий звук карандаша, которым водила Птица. Виктор прикоснулся к моей руке и, очень смешно вытаращив глаза, ткнул носом в сторону старухи. Я успел заметить библиотекаршу, но меня изумила холодность пальцев товарища. Я сразу почувствовал неладное и едва собрался спросить, всё ли с ним в порядке, как Виктор, быстро приложил палец к губам и, переведя дыхание, закивал головою, запрещая мне и звук проронить. Его обезумевший взгляд застыл поодаль от старухи. Возникшая возня оказалась единственным шумом в этой ячейке внегробного мира. На нас сразу устремили взгляды и умолкший отец Михаил, и ректор. Я всё-таки решил взглянуть, куда указывал Виктор. Белым пятном рясы, спрятав лицо в тень шторы, сидел неизвестный мне святой отец, которого я не сразу заметил.

– Кто это? – одними губами вывел я. Виктор только одёрнулся и застыл. – Ты чего? – не отступал я, не желая понимать товарища, пока не получу вразумительного ответа. Тогда Виктор так же одними губами вывел:

– Это инспектор семинарии – Отец Лаврентий.

Настал мой черёд замереть. Я не смог рассмотреть лица инспектора, но мне казалось, он глядит сквозь меня. Спина взмокла у меня мгновенно. Ещё от своего покойного отца я был наслышан об инспекторе семинарии, о его могуществе и коварстве. Когда к отцу приезжали погостить священники разных приходов, то обязательно, хоть краем, заходил разговор о брате Лаврентии. Отец слушал очередные жалобы и сожалел:

– Да, да, сколько жизней сломал, – и, тяжело вздохнув, добавлял: – Доберусь как-нибудь до этого стервеца.

Отец не добрался, а я в его руках. Меня начали тяготить тишина и ожидание. Наконец, дверь распахнулась, и вошла первая пара – святой отец с отроком, а следом потянулись и все прибывшие поступать. Они парами подходили к ректору для приветствия. Святые отче по-разному представляли своих отпрысков – кто хлопал подбадривающе по спине, кто подталкивал, кто взьерошивал оболтусу на затылке волосы и в нужный момент склонял его голову перед ректором. Отец Михаил встал навстречу входящим и здоровался с вновь прибывшими стоя, а ректор – продолжал восседать. Матёр ректор!

Святым отцам приходилось наклоняться, чтобы трижды приложиться с ректором митрополитом Владимиром. Отроки целовали ему руку, а затем переходили к отцу Михаилу. Зрелище разворачивалось омерзительное. Разглядывая его, я позабыл об узурпаторе-инспекторе. Батюшки текли, расплываясь в сальных улыбках и поправляя бороды, расцеловывались с высшими чинами семинарии. Отроки же, будущие батюшки, ужами ползали у ног будущих наставников, перед которыми им придётся пресмыкаться годы обучения. И всё это действие подмазано льстивыми, угодливыми улыбками, заискивающими взглядами, в которых жадным блеском горела пёсья преданность. Находились особо нахальные, эти с напускным трепетом принимали дрожащими ладонями руку святого отца и медлительно целовали её, рассчитывая, что именно его заметят и отличат от других, как более достойного, и возлюбят ещё до экзаменов. Я не на шутку забеспокоился за свою судьбу. В памяти сразу начали восставать неуместные шутки, допущенные за эти несколько дней пребывания в семинарии. Гримасу на меня нагнало воспоминание о разыгранном юродивом горбуне, и я с силой потёр лоб, ничего лучшего не найдя в своем арсенале, – как противостоять судьбе. Виктор ткнул меня в бок, но я без него догадался о нашей убийственной промашке. Мне стало не по себе, но еще больнее было смотреть на товарища.

– Иди, вон там пристройся, – взглядом я указал в конец процессии, чтобы хоть как-то поддержать Виктора, и в ответ ткнул его в бок.

– А ты?

Я отрицательно покачал головой. Для себя решил проще – семь бед, один ответ!

– Пойдем вместе, – Виктор, умоляя, потянул меня за рукав, схватившись за спасительную возможность приложиться к руке ректора. Но мне не хотелось поддерживать Глиста.

– Иди скорее, пока не видят, – поторопил я Виктора, желая избавиться от его уговоров. Виктор, смешно ссутулившись, прошмыгнул рядами и пристроился последним в колонне. Я всем видом поддерживал товарища. Мой взгляд выхватил из толпы Семёна, и мы поздоровались, как старые знакомые. Семён, приветствуя меня, как-то нескладно поднял вверх руку со сжатым кулаком и заулыбался во всю ширь своего огромного, как он сам, рта, заработал оплеуху от отца и потерял ко мне интерес. Я усмехнулся – надо же, Кувалду приструнили!

Процессия медленно продвигалась. Наконец, наступила очередь Семёна с отцом, следующим была очередь Виктора. Глист занервничал еще сильнее, переминаясь с ноги на ногу, словно пританцовывая. Он с силой растирал стынущие пальцы, но это ему не помогало. Отец Семёна протянул к брату Владимиру обе руки для приветствия, ректор, уцепившись за них, встал, и они трижды облобызались как давно не видевшиеся приятели, однако на этом не остановились. Обойдя вниманием брата Михаила, отец Семёна бросил короткий взгляд за спину, убедиться, что больше никого нет, и, взяв митрополита Владимира под локоть, повернул к личному разговору. Обрадованные встречей святые отцы, тихо переговариваясь, пошли по центральному проходу актового зала, провожаемые многочисленными желчными взглядами, засаленными напускными улыбочками. Виктор остался стоять в полном одиночестве у всех на виду. Семён же особенно не огорчился, не довелось приложиться к руке святого отца, и ладно. Наскоро поцеловал руку отца Михаила и, пробежав рядами, пока не видит батюшка, рухнул в кресло рядом со мною, устроив изрядный грохот. Ему тоже досталась от отроков порция злых усмешек, которые красноречиво говорили – этот поступил. Семёна ни что не волновало.

– Здорово! – приветствовал меня обрадованный Семён.

– Привет. А ты куда пропал? – я машинально поздоровался, не сводя взгляда с обезумевшего Виктора.

– Отсыпался. Придавил на каждое ухо минут так по шестьсот, – заржал Семён и показал на Виктора: – Чего он там застрял? Хватит там стоять, иди к нам, – махнул ему Семён рукой.

Виктор никак не мог справиться с нервным оцепенением. Сердце моё сжалось. У него не осталось сил даже удрать, такой удар испытал. Глист водил глазами с меня на инспектора, который всё время приветствия что-то записывал в толстую книгу. На Виктора не обратил внимания даже отец Михаил, который готовился начать собеседование и, не дождаввшись приветствия от замешкавшегося отрока, указал, чтобы тот занял место в зале, тем самым «добивая» Виктора. В этот раз я решил не бросать товарища. Была, ни была! Не обращая ни на кого внимания, я подошел к Виктору и отпустил ему звонкую пощечину. В ту же секунду Виктор обмяк, и я едва успел его подхватить. У моего товарища не держали собственные ноги, в одночасье превратившиеся в ватные. На помощь бросился Семен. Дотащив Виктора к переднему ряду, мы втроём, устроив еще один грохот, свалились в кресла. Отец Михаил выжидал, когда мы успокоимся, грозно взирая на происходящее. Разговаривающие в глубине актового зала святые отцы не прервали беседы, только отроки угодливо прыснули и умолкли под строгим взглядом Барсука. А Виктор тихо заплакал у меня на плече.

Семёну же не унималось. Он ещё раз выступил возмутителем порядка – резво вскочив, перелез через ряды, собрал оставленные вещи на прежнем месте и, склонив голову набок, виляя задом между рядами, вернулся к нам.

– Не бросать же вас, – пробасил улыбающийся Семён, и снова рухнул с грохотом в кресло.

Отец Михаил грозно взглянул на него и тут же помягчел, поскольку Семён расплылся понятливой улыбкой и проблеял:

– Извините, батюшка.

Можно было начинать. Отец Михаил осенил тройным знаменем присутствующих и начал:

– Ректор семинарии митрополит Владимир благословляет вас с почином, – и он указал в конец зала на беседующих святых отцов. Все обернулись, и в очередной раз льстивые улыбки заскакали по залу, смеялись в голос, чтобы лишний раз обратить на себя внимание, но ректор не слушал, о чём идёт речь, только бросил короткий взгляд и продолжил внимать речам друга-коллеги. Затем отец Михаил так же ретиво представил инспектора семинарии, назвав его братом Лаврентием. Отыскивая последнего, Барсуку пришлось покрутиться в разные стороны, а найдя, он в свою очередь одарил инспектора раболепской улыбкой. Брат Лаврентий на представление не вышел из тьмы, но весь зал увидел его зоркий, колючий взгляд на болезненно-бледном лице и, как мне показалось, впоследствии больше не забывал о нём, хотя тот и сидел, спрятанный темнотою угла.

На представлении руководства семинарии резвость речи отца Михаила и закончилась, потом он говорил долго и монотонно. Всё сводилось к тому, каким будет вступительный процесс, и насколько он важен для будущего батюшки. Так мы узнали, – сначала все должны пройти собеседование, на котором мы как раз присутствуем. Затем две комиссии: одна – медицинская, за неё есть ответственный, он и расскажет в свою очередь, и вторая – непосредственно духовная, за которую отвечает он, отец Михаил. «Кто не пройдет первую комиссию, на вторую может не являться, – вещал Барсук. – Священнослужитель должен иметь крепкое здоровье». Отец Михаил подвел черту и обернулся к ректору, который к этому времени закончил разговор и восседал перед всем залом. Ректор многозначительным кивком подтвердил слова отца Михаила и взглянул на дремавшего слева от него толстяка в полосатом костюме. Толстяк, словно почувствовав внимание к себе, встрепенулся и резво вскочил.

– Значит так, я Илларион Трифонович Плогий, – завопил полусонный толстяк. – Я отвечаю за медицинскую комиссию. Завтра, значит так, в восемь утра придут врачи, значит так, и приступим. Всем, значит так, быть вон в том корпусе, – указал себе за спину толстяк. – Кому повезёт, с того сначала слезут три шкуры, пока сдаст мне догматическое богословие, преподавателем коего я буду для счастливых, вытаскивших проходной билет.

– Вот тебе и барабан в нашем оркестре, – выдал я мысли вслух.

– Чего? – не расслышав, промямлил Виктор.

Я не стал повторять, а только приложил палец к губам и продолжал слушать объявления. От услышанного отроки приуныли, а их отцы встрепенулись, обмениваясь улыбками. Кто-то бросил из зала:

– Правильно! Что с сыном, что с ослом разговор один – батогом, – и по залу разлетелся зычный гогот сказавшего. Святые отцы одобрительно закивали, поддерживая веселье разногласным ржанием. Плогий подождал, давая батюшкам повеселиться, и закончил:

– У меня, значит так всё, брат Владимир, – с лёгким поклоном обратился Барабан к ректору и вновь занял своё место. Священники-наставники семинарии, сделав своё дело, умолкли.

Ректор, собирая всеобщее внимание, выдерживал паузу, которая сидящим в зале показалась тяжелее свинцовой гири. Затем, не проронив ни звука, встал. Следом за ним поднялся и весь зал. Митрополит Владимир на прощание осенил всех присутствующих тройным знаменем. Святые отцы вперемешку с отроками вереницей потянулись, прощаться – снова приложиться к руке ректора митрополита Владимира и отца Михаила. В этот раз все целовали руку, и святые отцы тоже, показною покорностью заслуживая расположения для отпрысков. По их виду и поведению было заметно, медкомиссия озадачила.

Мы с Виктором подошли последними. Опять я уловил бешеную лукавинку в глазах ректора, когда поцеловал руку и снизу взглянул на него. А может, показалось. Прощание получилось. Виктор приложился тоже к рукам обоих отцов, отец Михаил возложил на его голову перст, и поэтому Виктор шел в общежитие в приподнятом настроении. Я слушал товарища глазами, мысли мои бродили в очень темных комнатах сознания, и слух мне нужен был там. Но Виктор не замечал моего настроения. И слава богу!

Наутро всех желающих стать батюшкой выстроили в тёмном коридоре второго корпуса. Собралась разношерстная компания. Здесь можно было увидеть и безусых юнцов, и парней, прошедших огонь, воду и медные трубы, таких как я, например. Во всяком случае, я заметил нескольких человек, которые по моему заключению подходили мне по возрасту, и за плечами которых просматривалась армия. Большая часть никакого пороку не нюхала, о медных трубах и говорить нечего. Вдоль шеренги вышагивал вчерашний толстяк Плогий и рассматривал каждого в отдельности. Сегодня от него дурно пахло, по-видимому, толстяк не ночевал дома.

– Чем это воняет? – воскликнул худенький паренёк, опоздавший к общему сбору и вскочивший в строй перед самым носом Плогия. Барабан медленно повернулся к возмутителю спокойствия, и уставился на него, буравя злым взглядом. Пареньку оставалось только покраснеть от осознания несвоевременной несдержанности, но он выдержал злой взгляд Плогия. Барабан ещё дважды прошёлся взад и вперёд и вдруг прокричал:

– Значит так! Всем раздеваться!

Шеренга зароптала. По правде сказать, и мне не особенно хотелось раздеваться. Толстяк не спешил, давая нам выпустить пар, и членораздельно продекламировал:

– Вещи сложить на кресла вдоль стены. Значит так, – сказанное он подкрепил жестом руки, указав направление, – перед вами. – Для последней фразы толстяк набрал больше воздуха в лёгкие и перешёл на скороговорку: – Не теряем времени, поскольку врачи, значит так, ждать не будут, а без медкомиссии не будет зачисления в семинарию, а... – Барабан хотел что-то ещё добавить, но запнулся.

– Значит так! – выкрикнули из шеренги, кривляя Плогия.

– Быстро раздеться! – рявкнул Барабан, ища глазами кривляку, но ничего не смог придумать, как злобно промышчать: – Вот так.

От вида Барабана отрокам было не до смеха. Последние слова Плогия возымели магически, и все бросились стягивать с себя одежду. То там, то тут, по шеренге пошли раздаваться смешки и шуточки. Еще секунду назад раздевание вызвало бунт в душах отроков, но мгновение спустя они веселились, разглядывая свои костлявые, иссиня-прозрачные от постоянных постов тела. Неожиданно отроки умолкли и стали расступаться в разные стороны. Взоры их потемнели, пропитались тревогой и устремились в конец коридора. Из его глубины, из самого его чрева, откуда ни возмись, прямо на нас шёл инспектор отец Лаврентий. Толпу прошило из уст в уста «инспектор-инспектор-инспектор». Я тоже узнал знакомый силуэт, со сцены в актовом зале, и заморожено ждал приближения инспектора, чтобы наконец, увидеть его лицо. Брат Лаврентий, облачённый в одежды цвета слоновой кости, остановился возле толстяка, не сводя с нас застывшего взгляда. Высокая камилавка, водружённая у него на голове, делала инспектора чуть ли не в двое выше. Впалые щеки зловеще вычерчивали увесистый подбородок, с которого стекала на грудь скудная бородёнка. Инспектор настолько был тощим, казалось, кожа натянута на кости. Впалые глаза, тонкими разрезами сверкали из-под массивных надбровных дуг, разбрасывая по сторонам искры уничтожающего огня. Не дай бог попасться под эти искры!

«Н-да-а! – приуныл я. – Отец не добрался, это так. А я не в руках инспектора – в клюве! Цапля – цаплей!» Мне неоднократно доводилось видеть, как цапли в наших плавнях собирали лягушек. Я подолгу наблюдал за этим самым обычным обедом и представлял цаплю из детских сказок и былин – цапля профессор, цапля учитель, цапля воспитатель – с ученой книгой, ручкой и непременно в очках. А у нас в плавнях, вон он, важно поднимая ноги, ходит этакий учитель и тюкает клювом-торпедой в лягушек, подкидывает оглушенных тварей, и задрал клюв, словно регоча заглатывает их. Бедные лягушки только успевали лапками помахать у края клюва и заправлялись в глотку. Я смотрел на Отца Лаврентия, и мне представлялось, как он меня заглатывает, а я ручонками машу моим не состоявшимся однокашникам и проваливаюсь к нему в утробу. Мне было из-за чего приуныть.

Плогий заулыбался и живо подался всей своей бесформенной фигурой к инспектору. Цапля что-то ему проговорил одними губами. Всмотриваясь в лицо Плогия, я не мог разобрать, то ли толстяка смутило услышанное, то ли он не понял слов инспектора и должен обязательно переспросить, но толстяк, едва заметно, понятливо искрнул усмешкой и выступил вперёд. Глотка его зычно прокричала:

– Значит так! – в голосе его зазвучало предвкушение удовольствия от предстоящего, заказанного братом Лаврентием, действия. – Труссы спустить до колен!

Против обычного – все подчинились безропотно. Что мне, прошедшему армейские бани и медосмотры? Для многих же – это безобразие, но страх перед инспектором оказался сильнее. А, может, так и надо на медосмотре в семинарии? Отроки терялись в догадках и неуверенно, поддерживая друг друга собственным примером, опускали трусы. Цапля вошёл в образованный коридор и, рассматривая голых отроков, медленно двинулся вдоль него. Шествие инспектора сопровождалось тревожным шорохом. Брат Лаврентий так и ушёл в темноту, только в другое крыло коридора. Все с облегчением вздохнули, и гвал поднялся с новой силой.

Для семинариста инспектор – главное лицо в семинарии. Нет, конечно, ректор – самый главный! И семинарист может ему пожаловаться на инспектора. Но... На бога надейся, а с инспектором не оплошай!

– Построились! – рявкнул Барабан, криком приструнивая беспорядок. Когда все построились, он опять прошел вдоль шеренги, оценивая разглядывая отроков. По-видимому, удовлетворившись, проследовал в кабинет и вышел из него с толстым журналом в руках. На этот

раз толстяк проходил вдоль шеренги медленно, буравя своими глазками каждого отрока. Вдруг он остановился и, ткнув карандашом в грудь избранника, выкрикнул:

– Фамилия?

– Ревенко, – испуганно проблеял юнец.

– На комиссию, – указав карандашом за спину, толстяк размашистой галочкой отметил в журнале фамилию и направился вдоль шеренги, а отрок засеменял на медосмотр.

Вся шеренга вмиг замерла и выпрямилась в напряжении – наконец-то началось! После первого вызванного, Барабан долго маршировал вдоль шеренги, словно забыв, для чего нас собрал. Остановился он так же неожиданно, как и в первый раз. Я приготовился, внутренне застыв, но толстяк ткнул в моего соседа:

– Фамилия?

– Иванов, – неуверенным от напряжения голосом признался отрок.

– Как же ты с такой фамилией Всевышнему служить будешь? – с нескрываемым любопытством поинтересовался толстяк, озадачив вопросом русоволосого доходягу.

– На Руси все Ивановы... – дрожащим голосом начал отрок, но Плогий не дал ему договорить и гаркнул, оборвав на полуслове.

– Так тож на Руси, а не в Царствии Небесном. На медосмотр! – и в след убегающему Иванову с усмешкой прокомментировал: – Тоже мне причина в батюшки идти, – и зло оскаблился.

Отроки даже боялись посмотреть на зверствующего Плогия, а он, прохаживаясь вдоль шеренги, потешался и отправлял по своему желанию очередного на медосмотр, как на закляние, при этом ставя против его фамилии размашистую галочку. Чего только стоили комментарии, которыми осыпал Барабан головы бедных отроков!

До меня очередь никак не доходила. Хотя, толстяк пару раз останавливался рядом, но только чтобы отправить соседа справа и затем – слева. Все остальные его маршруты пролегли мимо.

В самый разгар медосмотра все вдруг увидели ректора. Можно было только догадаться, он вошёл через боковую дверь. Отец Владимир стоял возле боковушки, ожидая, когда Плогий закончит с очередным отроком. Появление ректора приструнило шеренгу. Мы подтянулись и умолкли. Цапля срамил заставив снять трусы. Чего от этого ждать? Власти у него вдвое больше. Толстяк завращал глазами по голым отрокам, ища причину изменения нашего поведения. Когда взгляд его остановился на фигуре ректора он подтянулся, попытавшись втянуть живот, и чеканя шаг, подошёл к нему. Тот его о чём-то тихо спросил, и они принялись, бубня, переговариваться. Ректору пришлось слегка склонить голову набок, чтобы лучше слышать коротышку Плогия. Барабан-Плогий же вытянулся на цыпочки и говорил одними губами, в подтверждение сказанного тыкал в открытый журнал. Ректор бросал взгляд следом за пальцем толстяка, и исподлобья рассматривал проредившуюся шеренгу. Как мне показалось, особо его занимала моя персоне. Почувствовав к себе интерес ректора митрополита Владимира, я отвернулся, чтобы не провоцировать в себе самоедства, которым в избытке страдал мой товарищ Виктор, пытавшийся всячески и меня этим заразить. В очередной раз я обратился к Богу, поблагодарив за то, что Виктора среди оставшихся нет, и он проходит медосмотр. Всё-таки мне пришлось обернуться, когда я краем глаза уловил, толстяк смотри в мою сторону и получает указания от отца Владимира. Моё любопытство оказалось оправданным – их внимание было обращено к моей персоне. «Да и чёрт с ними», – досадливо отмахнулся я, в этот раз призвав бога из другого царства.

Хлопнувшая дверь известила – ректор удалился. Толстяка озадачил разговор со столоначальником, и он продолжал стоять, отвернувшись от нас, уставившись в немую дверь за которой скрылся ректор. Затем он круто повернулся и быстро подошёл ко мне.

– Фамилия!

– Крауклис.

Плогий не смог скрыть замешательства. Он медлил записывать и всё-таки не выдержал:

– По буквам.

– Ка, эр, а, у, ка, эль, и, эс, – я не моргнув, быстро назвал по буквам свою фамилию. За мою сознательную жизнь, мне неоднократно приходилось этим заниматься.

– А имя? – по глазам толстяка угадывалось, он ждал чего-то необычного, но я его разочаровал.

– Егор.

– Н-да, – протянул толстяк и, немного замешкавшись с писаниной, тихо сказал: – На медосмотр.

Плогий хотел отпустить колкость по моему адресу, но всё тот же разговор с ректором, его удерживал.

Наконец и мне предстояло увидеть, что происходило за дверью, в которую входили отроки для медосмотра. Это была просторная аудитория предназначенная для лекций, и в несколько рядов заставленная партами. В разных концах аудитории расселись четыре доктора в белых халатах. Следовало пройти и отметить у каждого из них. Когда я прошел последнего, тот, не глядя в мою сторону, подтолкнул по столу исписанную медицинскую карточку и, махнув большим пальцем за спину, сказал:

– С карточкой к хирургу.

Я не понял врача и собрался уйти, как и вошёл, решив, – хирург находится за стеной и проходить к нему все тем же коридором, но доктор остановил меня.

– Дверь там, – указав в угол и посоветовал. – Прежде чем войти, постучите.

Только теперь я разглядел в самом углу низкую дверь, точь-в-точь похожую на дверь библиотеки и точно так же врытую в землю. Подойдя к ней, я постучал. За дверью звонким голосом позвали:

– Прошу!

Чтобы войти, мне пришлось изрядно наклониться. Комната оказалась довольно-таки просторной и хорошо освещённой электрическим светом. Напротив двери, за столом, в пол-оборота сидела сторбившись тощая старуха в белом халате и высоком колпаке с размерной тесёмкой на затылке. Она водила огрызком карандаша, зажатым в её крючковатых пальцах, в точно такой же карточке, какую я держал в руке, – по-видимому, предыдущего отрока. Не взглянув в мою сторону, она сухо сказала:

– Карточку на стол, трусы на табурет в левом углу, а сам становись справа.

Старуха походила на библиотекаршу, только вполовину короче и резвее. Карточку я положил перед нею, но все остальное не совсем понял и остался стоять в центре комнаты, ожидая разъяснений и рассматривая временное пристанище докторши. Из лавки сделали медицинскую кушетку, покрыв её белой простыней. У табурета в углу лежало несколько пар трусов, позабытых отроками. Меня озадачило, в чем же ушли отроки? Наконец докторша закончила писать и взялась за мою карточку. Она внимательно прочла фамилию и грозно посмотрела на меня. Наверное, сличала, соответствую я фамилии или нет, а может и наоборот, фамилия – мне. Затем принялась писать, бросая взгляд в мою сторону и давая короткие команды: «Спиной ко мне». «Боком». «Лицом». Я послушно выполнял, выставляя себя напоказ худосочной докторше. Надо отдать ей должное, она не пользовалась очками. Оставив мою карточку открытой, она подошла к металлическому столику, накрытому белой салфеткой, и натянула на правую кисть резиновую перчатку. Белоснежная перчатка обновила её корявую кисть.

– Трусы на стул и сюда, на кушетку, – тоном, не терпящим возражений, приказала докторша. Видя моё замешательство, равнодушно добавила: – Давайте, давайте, поторапливаемся. На кушетку – головой к двери.

Делать было нечего. И вот я стоял на кушетке на четвереньках, в чём мать родила, перед докторшей. Она положила руку мне на поясницу и подала очередную команду:

– Спину опустите, – докторша усилила слова нажатием рукой, для меня определяя, в каком месте опустить спину. Только я послушно выполнил команду, как хирургесса заширнула палец мне в задний проход. Я едва не задохнулся. Докторша, быстро орудуя пальцем, обследовала меня изнутри и, скинув в таз перчатку, как ни в чём ни бывало, уселась за стол и принялась записывать результаты наблюдений. Мне же коротко приказала:

– Дверь для выхода там. Не забудьте трусы.

Вот почему я не видел никого из тех, кто прошёл медосмотр. Комната, в которой принимала докторша хирургесса, имела второй выход. На прощание я улыбнулся куче забытых трусов, представив, как улепетывали из этого кабинета их обладатели. После хирурга отроки проходили в помещение в другом крыле корпуса и накапливались в ожидании своей участи. Когда я вошёл, на меня уставились несколько пар глаз. Первая мысль, которая меня посетила, рассмешила до коликов, и я тут же её озвучил:

– Вот мы и не девственники.

Прошедших медосмотр собирали в накопитель, куда входил дьячок и, выкрикивая фамилии, делил собравшихся на две группы. Меньшую – выводили в дверь с выкрашенными стеклами, которая вела обратно в коридор, с которого начинался медосмотр, – это были те, кто не прошел медкомиссию и на второй экзамен не допускались. Но это нам суждено узнать позже. Большую группу, в которую попали мы с Виктором и Семён, дьячок вывел в другую дверь с приколоченным к ней восьмиконечным крестом. Мы прошли по темному коридору, и когда, наткаясь друг на друга, остановились, дьячок открыл следующую дверь в большое светлое помещение, осветив и нас и коридор ярким солнечным светом. Нашему взору предстали полки с аккуратно сложенными одеждами и огромные полосатые мешки, набитые бельём. В нос ударил тяжёлый сырой воздух с парами хозяйственного мыла. Но мы как замороженные смотрели на два огромных, на всю стену, окна. В них и втекал солнечный свет. Радость охватила всех, и поднялся галдеж, который осадил дьячок грозным: «Цыц!». Встретила нас хозяйка прачечной кастелянша – добротная баба в наглухо повязанном платке. Она расплылась в улыбке:

– А-а, касатики, будем знакомы – тётя Лида, – представилась кастелянша, и принялась снимать с полок свертки с одеждой и выкладывать на прилавок.

– Всем одеваться, – призвал дьячок.

Отроки начали хватать одежды и подняли веселый гомон. Это было первое веселье с самого начала медосмотра. О группе, которую вывели в другую дверь, вспомнили, когда все оделись и разглядывали новые семинарские наряды – подрясники.

– Все, кто находится здесь, годятся по телосложению и мускулам быть батюшками, – прокомментировал Дьячок наш интерес.

Вся группа с облегчением выдохнула, и грянуло дружное «Ура!» Но недолго длилось ликование. Вдруг кто-то сказал:

– Ещё же второй экзамен.

Опять наступило гробовое молчание. Разрядил обстановку всё тот же дьячок:

– Одеваемся, одеваемся, сам ректор распорядился вас облачать, стало быть, все поступите. Благодарите наступающие перемены в стране. Набор должен быть полным.

Последних слов дьяка мы не поняли, новый выдох облегчения пронёсся по толпе без дополнительного ликования. Общительный же дьяк продолжал распространяться:

– Не все дойдут до окончания.

– Как это? – поинтересовался кто-то из поповичей.

– А вот так! – многозначительно заключил дьяк. – Отсеетесь за четыре года. Добре, если половина дойдёт. Не такой простой путь вам предстоит. Тернист путь в батюшки.

– А к богу? – с серьёзным видом спросил дьяка Семен, а мне лукаво подмигнул.

Во взглядах отроков застыло напряжение. Дьяк не понял Семеновой иронии и на полном серьёзе отвечивал:

– К богу, путь у каждого свой... – и, выдержав паузу, заключил. – Аминь!

Отроки озадачились услышанным, но надменным видом каждый продолжал показывать, – к нему это не относится.

После облачения в семинарские одежды многих отроков невозможно было узнать. Их лица застыли в величественных гримасках. На тощих грудных клетках засияли маленькие нательные крестики-распятия, которые они то и дело поправляли. Плогий, который пришёл проверить облачённых отроков, язвительно сказал:

– Чего нательные распятия выставили?

Не все поняли, в чем промашка, и принялись переглядываться, пожимая хилыми плечами.

– Значит так! Убрать с подрясника! – выдержав паузу, гаркнул Плогий.

Отроки засуетились, пряча распятия туда, где им и место. Плогий наблюдал за всем молча. Когда строй успокоился, он ещё более зычно приказал:

– Завтра второй экзамен! Марш все в общежитие! На расселение, – и, круто развернувшись, ушёл. Дьяк только крякнул от удовольствия. За всю свою жизнь, проведённую в стенах семинарии, он не раз видел подобные сцены, и для себя с них начинал курс обучения для новичков. Он по-отечески относился ко всем отрокам, особенно к вновь прибывшим. Их ему было чуточку жаль. Поэтому, отворачиваясь от отправляющихся в общежитие отроков, расстроженный дьяк прослезился. Для него торжественная часть на этом и закончилась.

К началу второго экзамена сумки с вещами отроков свалили в холле общежития. Так распорядился предусмотрительный комендант, чтобы сразу исключить из числа поселенцев тех кто провалился после первого тура. Прошедшие первый экзамен и облачённые в подрясники, будущие батюшки, кинулись выхватывать каждый свою сумку. Хватали – как рвали. В результате разворошили всё и разбросали сумки с вещами тех, кого отсеяли. Какая-то неоправданная злоба взвилась над головами будущих батюшек. Надо полагать, и подворовали, не побрезговали. Мы с Виктором наблюдали за нашими завтрашними однокашниками и диву давались. Все на радостях улыбались, но смотрели и совершали пакости со злобой над вещами неудачников. «Чем ближе к вышке, тем виднее задница мартышки», – вспомнилась мне любимая отцом поговорка. «Как нам повезло», – отметил я про себя и этим поделился с товарищем:

– Хорошо, что нас не заставили собирать вещички и освобождать комнаты.

– Тихо, – зашипел на меня Виктор, указывая на старуху у двери, зорко наблюдающую за бедламом. – Они, наверное, решили, – мы старшекласники.

– Сейчас проверим.

– Ты куда? – хватая за руку, попытался остановить меня Виктор.

– Пошли за мной, – на этот раз я вцепился в руку товарища и потащил его навстречу старухе, которую мы благополучно миновали. Она не пыталась нас остановить, пропустила с таким видом, словно узнала своих. Проскочив на второй этаж, мы пожали друг другу руки и с восторженным чувством разошлись по обжитым углам, ожидать соседей. Где-то снизу раздавались распоряжения, отдаваемые старухой и, вторя ей, приближался гомон торжествующих отроков.

Расселяли по двое-трое в комнатах. Не повезло тем, кого разместили по трое. Комнаты, так называемые кельи, рассчитаны на двоих человек – по количеству шкафов. Как разделить два шкафа на троих ума не приложу.

Наконец, дошла очередь и до моей комнаты. В дверях показалась старуха, сопровождаемая семинаристами-поселенцами. Из толпы протиснулся Семён и, быстро смерив меня взглядом, скомандовал:

– Так. Тут я остаюсь, – он поднадавил на «я» и, бросив на кровать сумку, свойски подмигнул мне. Затем Семён воздел руки кверху и забасил: – Всё, всё. Нам тут и вдвоем тесно будет. Не видишь, матка, какое у меня брюхо? – с этими словами Семён выпучил глаза и навис над старухой, грозно уставившись ей в темя.

Старуха собралась было возразить, но Семён надул пузо и надвинулся на неё. Старуха, быстро оглядев комнату, удалилась, уводя за собою всех остальных. Шумная толпа поселенцев переместилась в комнату напротив, к Виктору. Я с облегчением выдохнул и ждал, разглядывая моего будущего соседа по келье с нескрываемым весельем. Семён медленно повернулся, выставя свою сияющую физиономию. Он был доволен отбитым для себя желаемым пространством.

– Будем жить вместе, – пробасил Семён и, розовея, улыбнулся.

Я не успел ответить, как опять открылась дверь, и вошел мужик с ящиком инструментов. Он молча подошёл к открытому окну и, захлопнув шипку, заколотил гвоздями. В ответ на наш немой вопрос сухо пояснил:

– Не положено, – и удалился.

Мы рассмеялись в спину плотнику. Чёрт с ним, с этим окном, только бы не подселили третьего.

– Запри дверь на ключ, и молчок, – приложив палец к губам, засуетился Семён, когда за плотником закрылась дверь. Подойдя к заколоченному окну, он потянул, проверяя его на прочность. Створка скрипнула под напором амбала, а тот прокомментировал: – После откроем.

– Располагайся. Эта тумбочка твоя, – наконец, смог и я проявить гостеприимство, с интересом наблюдая за Кувалдой, с которым, может быть, предстояло прожить четыре семинарских года. – Твой шкафчик правый, – вводил я в курс общежития соседа. – Койка эта, – ткнул я пальцем на кровать, на которой уже лежала огромная сумка Семёна.

– Хлипвата сеточка, – Семён, проверяя сетку на прочность, слегка, как мне показалось, придавил, да так, что та едва не коснулась пола. Мне пришлось признать, в этом толстяке сидела недюжинная силища.

– Матрас там, на антресоли, – продолжал я знакомить Семена с хозяйством нашей комнаты. – Постельное бельё в том мешке.

Семён слушал и исправно обустраивался. Он как пушинку стянул с антресоли матрас и вмиг застелил постель. Затем так же, как пушинку, закинул свою сумку на освободившееся от матраса место. Открыв шкафчик, Семён долго смотрел внутрь и, покачав головой, захлопнул дверцу. Я же с интересом наблюдал за моим соседом по комнате и утвердился окончательно: «Кувалда».

Поселение было закончено, и Семён, – полноправный жилец нашей кельи, свалился на кровать, которая по-своему приветствовала нового жильца – она рухнула, огрев Кувалду бельём по голове.

– Чуюла моя душа – бесовская кроватка хлипкая для праведника, – сквозь стон лукаво улыбался Семен, потирая ушибленную голову. Вдвоём мы снова наладили кровать, и Семен опять попробовал ее на прочность, как и прежде с силой надавив. Критически осмотрев кровать со всех сторон, Семен все-таки медленно растянулся на ней, всем видом показывая, что не намерен отступить. Кровать скрипнула угрожающе, но на этот раз устояла. Новичок был прописан в жильцы!

Больше нас никто не тревожил. Оставшиеся до ужина полдня мы с Семёном никуда не выходили. Запершись в своей комнате, тихо разговаривали, знакомясь, и делились планами на будущее. Так я узнал, что Семён пошёл в семинарию, только чтобы не идти в армию.

– А я от звонка до звонка, два года назад демобилизовался. Домой пришёл, отец месяц как лежит. Я уходил – была одна страна, а вернулся – в другую, – с каждым словом грусть пропитывала мой голос, как я ни старался с нею бороться, но так на надрыве и рассказал свою

незамысловатую историю прихода к Богу. – Когда отец умер, ещё сомневался – идти в семинарию или нет? Думал в институт поступать. Пока похороны, пока – девять дней, затем – сорок. Мать расплакалась – отец бросил, на кого ты бросаешь меня? Сроки поступления и прошли. Устроился на работу в кооператив. Их теперь расплодилось видимо-невидимо. Денег платили мало. А тут приехал новый священник. Дом, в котором мы жили, – приходский. Куда деваться? Мать всё гадала, выселят нас или нет. Господу Богу молилась. Новый священник как вошёл в дом, так матушку у него на глазах удар хватил. Скоропостижно скончалась матушка. Священник разрешил пожить, пока не похороню, но потом велел освободить дом. У самого семейство. Спасибо, дал направление в семинарию. Я взял на всякий случай. Положил вместе с письмом отца. Отец перед смертью вручил мне письмо для ректора семинарии отца Владимира. Сказал, надумаешь поступать, поедешь с этим письмом к брату Владимиру. Не пригодилось, – с этими словами, я достал конверт и показал своему соседу. – Я не читал его. Так и лежит нераспечатанное. Пусть лежит. Для истории. Выделил мне новый батюшка из казны тысячу рублей для поездки и поступления в семинарию. Сказал, будет от прихода платить стипендию, если поступлю, а нет, так и суда нет. Куда идти? Прописки нет. Без неё талонов не дают. А талоны на всё – масло, сахар, мыло. Отец не очень-то хотел, чтобы я посвятил себя церкви, а мать упрашивала не сворачивать с пути, избранного отцом для нашей семьи. Она считала, – это мой и нашей семьи путь. Как же мой, если отец рассказывал, случайно попал в священнослужители. Может быть, это и есть рок – не хотеть, а прийти в церковь? Ведь народ не зря говорит: яблоко, от яблони.

Семён слушал мой рассказ затаив дыхание и с каким-то торжественным видом, потом долго еще лежал не проронив ни слова. Помолчав, коротко сказал:

– Ты какой-то настоящий, – и замолк, обуреваемый мыслями.

Меня восхитил настрой Семёна. Я не решился расспрашивать, что он имел в виду, мне понравилось, как Семён это сказал. Наш разговор так и проходил, то прерываясь, чтобы каждый мог собраться с мыслями от услышанного или сказанного, то возобновляясь. Замолкали мы как по команде лишь в те моменты, когда по коридору проходили или слышались чьи-то голоса. Когда в дверь тихо постучались, и голосом Виктора предположили, что Крауклис куда-то ушел, я всё равно не отозвался и не открыл товарищу.

Далеко за полночь наша комната отходила ко сну в полном сборе и отведя душу.

Нас разбудил электрический звонок во дворе. Всё время пребывания в семинарии я много раз собирался отыскать, где он находится, но так и забывал. Звонок нас только разбудил, но поднять не смог. Мы с Семёном пошевелились под одеялами и замерли.

– Надо вставать, – промямлил мой товарищ. У меня не было желания ему отвечать, хотелось досмотреть сон, развязка которого витала теперь только в моём воображении. Неистовый стук в дверь сорвал нас с постелей, и Семён кинулся открывать. За дверью никого не оказалось, но точно такой же стук раздался в соседнюю дверь, потом покатился по всем дверям комнат спального корпуса.

– Кто это? – стук так прошелся по моим нервам, что я готов был убить любого, кто это сделал.

– Чёртова карга, – падая обратно на кровать, выругался Семён, но он не успел высказать возмущения. По коридору, в обратном направлении просеменила возмутительница спокойствия – ночная вахтёрша, старуха-горбунья – скандируя:

– Подъём! Подъём!

Семинаристы, зевая, вяло выходили из комнат и направлялись в конец коридора, где располагалась комната для умывания, которую мы сразу прозвали умывальником. Это было небольшое помещение, панели которого обклеили керамической плиткой, а не как обычно выкрасили краской. Вдоль стен и в два ряда посередине умывальник заставили раковинами для

умывания. В стене зиял проём без дверного полотна. Там находился туалет на четыре лежащих толчка.

Спустя некоторое время умывальник заполнился до толкотни. Выяснилось, для многих будущих батюшек самостоятельное умывание – новое занятие. Вафельные семинарские полотенца, обвязывающие талии отроков, только подчёркивали удобу тел.

Я успел умыться, одеться и заправить постель, а под упитанным телом Семёна всё ещё стонала кроватная сетка.

– Семён, поднимайся! – торопил я соседа. – Опоздаешь на утреннюю.

– Это они все опоздали, – сонно прочмокал Семён. – Заутренняя еще с третьими петухами начинается. А сейчас, – Семён продрал глаза и вытаращился на будильник, – восьмой час. – И опять уснул, словно и не он разговаривал. Я решил всё-таки поспешить на молитву, оставив Семёна досыпать свою судьбу. Когда я был в дверях, Семён вдруг спросил:

– Знаешь, что придает уют и домашнюю обстановку комнате?

Меня рассмешил вопрос сонного товарища. Я решил, – тот разговаривает во сне и ошибся. Семён приподнял голову и посмотрел заспанными, но хитрыми глазками. Потешаясь, разыгрываемой Кувалдой сценкой, я ожидал завершения монолога.

– Так и думал, не знаешь, – роняя голову на подушку, довольный заключил Семён и, вытащив руку из-под одеяла, ткнул пальцем в будильник. – Будильник на столе! – многозначительно протянул он, указывая пальцем в потолок.

– Семён, вставай, – я больше не мог без смеха смотреть на товарища, да и следовало поспешать.

За последние две недели это были первые сутки, которые мы не виделись с Виктором. Поэтому, встретившись на молитве, обрадовались.

– К тебе подселили? – вместо приветствия поинтересовался Виктор.

– Привет. Да.

– И как? Привет.

– Верзилу Семёна, помнишь? Ну, Семён?

– А, того! Одного? Повезло. И как?

– Слава Богу! Вроде ничего.

– Ко мне двоих. Хорошо, что у меня много вещей, и шкафчик забит под потолок. Так эти двое поделили один шкафчик. А где ты был вечером?

– Закрылись в комнате, чтобы третьего не подселили.

– Так ты слышал, когда я приходил?

Я кивнул товарищу, приложив палец к губам. Наше бубнение начало привлекать внимание чтеца, и он пару раз уже посмотрел грозно в нашу сторону. Главное, мне не хотелось объясняться, почему я не открыл дверь, и не хотелось больше рассказывать о соседе.

После молитвы все семинаристы возвращались в спальный корпус. В воротах семинарии с журналом в руках нас встречал инспектор. Он, ни на кого не глядя, что-то заносил в журнал. Со стороны отец Лаврентий смотрелся как обычный преподаватель, который шел себе, шел и тут вспомнил, что забыл что-то записать. Такое возможно, но это стоял инспектор семинарии и проходящие мимо воспитанники понимали – никуда он не шел и не просто так что-то записывал. Семинаристы в основном проходили мимо инспектора, затаив дыхание. Находились и такие, которые старались пройти, чтобы хоть как-то коснуться брата Лаврентия, а прикоснувшись, заискивающе извинялись с лстивыми улыбками. И всё это только для того, чтобы их отметили. Кто-то отважился приложиться к руке инспектора, но взять руку смелости не хватало, так и целовали – прямо в пишущую кисть. Цапля брезгливо одёргивался, раздувал ноздри, но занятия своего не прерывал. Тех, кто здоровался, инспектор приветствовал, не под-

нимая головы. Кому кивал, а кого-то оставлял и без такого внимания, тем самым воздействуя на льстеца убийственно.

– Вы! – неожиданно выкрикнул инспектор, когда мы с Виктором проходили мимо. – Подойдите!

– Я?! – в один голос отозвались мы и остановились в недоумении, кого имел в виду брат Лаврентий. Как загипнотизированный, Виктор двинулся к инспектору и едва живым голосом, заикаясь, переспросил:

– Я?

Цапля промолчал, а я постарался быстренько улизнуть. Уже входя в корпус, я обернулся, чтобы удостовериться, правильно ли поступил. Виктор с инспектором мирно разговаривали. «Значит, его звали! Интересно, что он от Витьки хочет? – промелькнула у меня тревожная мысль, но, отметив, как спокойно они беседуют, я успокоился: – Та, ничего страшного. Ещё ничего не успели сделать. Потом узнаю, чего хотел инспектор».

Дверь нашей комнаты была распахнута настежь, постель соседа еще разобрана, а самого его не было. После улицы в нос ударил застоявшийся воздух. Я тоскливо обвёл комнату взглядом и ещё тоскливее посмотрел на заколоченную форточку. И всё-таки меня волновал вопрос, куда подевался Семён? Не долго пришлось пребывать в догадках. Из дальнего конца коридора, эхом пустого умывальника, загрохотал хохот Семёна. Сквозь смех он что-то говорил, а точнее нравоучил кого-то. Да так зычно, что стёкла дрожали на всем этаже. Его увещевания прерывались только хохотом, смешанным с плеском воды. Я направился взглянуть, что там происходит. В умывальнике собралась ватага отроков и потешалась разыгрывающейся сценой. Нагой Семён восседал в шайке и, одной рукою держа ведро, наполнял его водой и затем опрокидывал себе на голову. Вокруг него, причитая, кружила старуха, чествуя на чём свет стоит бесстыдного отрока. Боясь быть облитой, она резво отскакивала от многочисленных брызг и, сжимая кулачки, показывала, как бы она поколотила срамника. Семён же рыготал во всё горло и наставлял старуху:

– Ступай отселя, ведьма! Га-га-га! Ступай, старая греховодница, прочь!

Собравшихся воспитанников веселила перебранка новичка со старухой, и они всю потешались. Наконец, Семён закончил омовение и, упершись в таз, рванул всем телом, вставая. Старуха отскочила, вскрикнув и прикрыв лицо концами платка, врезалась в толпу отроков, прорываясь к выходу. Семён разразился ещё более громким гогогом. Мне показалось, что ещё мгновение, и он присвистнет старухе вдогонку, но Семён только подмигнул мне и, заматавшись полотенцем, потрусил в комнату, оставляя следы-озёра по всему коридору.

– Донесёт ректору. Не боишься? – с равнодушным видом поинтересовался я у товарища.

– Чего же мне, потомственному священнику, бояться? – улыбаясь во всю физиономию, вопросом на вопрос ответил Семён. – Ещё мой прадед девок гонял на реке. Да так гонял, я тебе скажу, что потом пол-округи белобрыхых байстрюков бегало. Любого могу со спокойной совестью дедом кликать. И ничего! Потом дед давал этим матронам под хвоста так, что дым стоял коромыслом. Прошлым летом к батюшке приезжал Сам, – здесь Семён перешёл на шёпот, толстым пальцем указал за спину и, смешно гримасничая выговорил одними губами: – Ректор, – и во всё горло закончил: – Так они с батюшкой моим так погуляли на озере, что когда через время соседки стали по очереди брюхатеть, матушка долго из батюшки те гульки выколачивала. Этот то ретировался сюда в город, – и Семён опять махнул за спину пальцем.

Семён мне нравился. Я слушал его и восхищался. Прав оказался Семён – ничего ему не было за утреннюю выходку. Старуха не ходила жаловаться ни ректору, ни инспектору.

Второй экзамен проходил тихо. Всех экзаменующихся собрали в одной аудитории и велели разобрать билеты, которые разложили на передней парте. Отроки сгрудились у билетов, выбирая счастливый. Чего только не придумывали, чтобы угадать тот самый единственный! И крестятся, и плюют через плечо, и совершают магические па, и с закрытыми глазами тыкают

пальцем, и стараются схватить билет, уже выбранный кем-то другим. Разбирание билетов едва не заканчивается потасовкой. Вмешался отец Михаил, который отвечает за второй экзамен. Он нараспев продекламировал:

– Братия мои! С билетами подходим ко мне и называем номер.

Выстроились в очередь. Когда последний из отроков назвал номер билета и занял место за партой, отец Михаил возвестил:

– Пишем, – и беззвучно положил руки на стол, давая команду успокоиться и работать над ответом.

Мы склонили головы над листками – последнем незначительном барьере в ворота жизни батюшки. Пишем все. Стараюсь не смотреть по сторонам. Спешу закончить, чтобы скорее выйти на улицу. Как назло, пишется легко, и пишу много.

– Сдаём работы, – прерывает нас отец Михаил.

Оказывается, прошло девяносто минут. Со всех сторон раздаются возгласы сожаления, но отец Михаил непреклонен. Добродушная его физиономия снимает напряжение экзаменуемых. Мы и так не особо волновались, но всё-таки.

– Сдаём, сдаём, – вещает отец Михаил. – Что успели, то написали. Всё оценится по заслугам.

У многих написано не больше нескольких строчек. Чем же они занимались всё это время? Моя работа особо привлекла внимание отца Михаила. Он повертел исписанные листы в руках, одобрительно цокнув языком и, положил сверху. Ещё бы! Почти четыре листа! Ловлю на себе завистливые взгляды, но мне не до них. Хочу скорее на свежий воздух.

– Все в общежитие, – вслед нам отдаёт распоряжение отец Михаил. – До обеда общежития не покидать.

Хоть глоток свежего воздуху, а потом можно опять в заточение, проскакивает ироническая мысль, и я криво улыбнулся.

Направляясь в общежитие, мы проходим мимо отсеянных медицинской комиссией. Они сгрудились у колонн административного корпуса. Отцы отправились к ректору, а отроки застыли в ожидании своей судьбы. Их злые взгляды мы ощущаем на себе, их злые языки находят наши уши, но и мы платим тем же – сторонясь изгоев и не обращая на них внимания, проходим, как сговорившись с высоко поднятыми головами.

Неожиданно подалась входная дверь. Кто-то из наших шарахнулся, и вся толпа как по мановению всевышнего ринулась вслед – подальше удрать. Оказалось, это вышел из здания ректор. По бегущим пробежало «ректор-ректор-ректор». И снова, как по чьему-то приказу, мы останавливаемся и замираем в ожидании чего-то ужасного. И это что-то не заставляет себя долго ждать, потому что толпа не поступивших живёт по своим правилам. Она жаждет чуда любой ценою! Из толпы изгоев на весь двор раздаётся протяжный вопль. Вопящий вырывается из кучи, кидается ректору в ноги и начинает ползать по земле, облизывая его пыльные туфли, облизывая дорогой хром. Отроки, опоздавшие предпринять столь радикальный метод, заливаются слезами. Один из них не выдерживает, опускается на колени и, причитая, как молитву начинает рассказывать свой тяжёлый путь прихода к Богу:

– Святой отец, пожалей. Все посты соблюл. Паломничество совершил. Дважды совершил. Денно и ночью простаивал у иконы Божьей матери. Как же так, батюшка? Отец родной, не остави! – с последними словами отрок бросился оземь и с такой силой ударился лбом о мраморные плиты, что мне показалось – убьётся. Но он с еще большей прытью подполз и обхватил другую ногу ректора. Ректор же, не глядя вниз, с трудом высвободил ногу одну, затем другую и направился прочь. Я заметил, его больше волновало, чтобы не выпачкали рясу, потому что он приподнял её полы и так и ушёл с приподнятыми.

Я старался не смотреть, но и не мог оторвать взгляда. Противно было видеть, до какой степени человек может опуститься в собственном самоуничижении и как при этом может окончательно потерять человеческое достоинство. Меня охватил ужас от осознания того, что это могла быть и моя участь. Наверное! Я обвёл взглядом однокашников. Все отроки реагировали на подобные сцены по-разному, но всех объединяла высокомерно-брезгливая складка на лице. Удивительно, но эта складка у каждого пролегалась на своём месте. У кого-то под носом, у кого-то под нижней губой или на губах, а у кого-то на лбе или на щеках. Но она была! Я грозно взглянул на Виктора, и тот мгновенно изменился в лице, краснея. От моего взгляда его складка, которая едва намечалась под носом, исчезла, и мой товарищ виновато потупил глаза. Только Семён рассеянно взирал на происходящее и, встретившись со мною взглядом, зевнул и успокоительно махнул рукой: «Не бери в голову», – красноречив был его жест. В это время наша толпа дрогнула, потому что стоящий на коленях перед ректором развернулся и так же на коленях пополз в нашу сторону.

– Братцы! Уступите место мне! – взывал рыдающий отрок, то и дело ударяясь лбом об землю.

Пятясь, мы с места ломанули в общежитие и едва не снесли двери, пытаясь протиснуться по несколько человек одновременно.

Зрелище, невольным свидетелем которого я стал, произвело на меня угнетающее впечатление. Семён старался шутить на разные отвлечённые темы. Я отмалчивался и всё-таки не выдержал:

– Скажи правду, Семён, тебя это не тронуло?

– Что – это, Егор?

– Ну, вот там, – смешался от вопроса я. – Ну, ректор, эти... – я не знал, как всё это назвать, и совсем запутался.

– Видишь, и для тебя они – эти, – спокойно парировал Семен. – Оставь. Ты слишком впечатлительный. Учись управлять своим внутренним состоянием и владеть своим внутренним миром.

Трезвостью и прагматизмом мышления Семён превзошёл все ожидания. Надо же! – распалялся я в гневе. Какой здоровый цинизм! Этот толстяк-увалень, поповский баловень, недоросль, дезертир оказался рассудительным, с внутренним стержнем, и умно мыслящим. Умный умом, который мне ещё предстояло понять, коего достичь и, может быть, позаимствовать. Сегодня я Семеном побеждён и осмеян. Я чувствовал себя униженным. Мне больше не хотелось разговаривать. Решил – завтра же попрошусь переселить меня в другую комнату. Вспомнил о Викторе и о том, что забыл поинтересоваться, зачем инспектор его остановил и о чём они разговаривали. После того утра ни разу не видел Виктора. Надо будет с кем-то поменяться из его комнаты, решил я. Тем более, мы с Виктором сразу хотели поселиться вместе.

Продолжение дня потекло скучно и сонно. Оба отлёживались на кроватях, занимаясь личными делами – я читал, Семён дрых. Я сторонился Семёна и старался не смотреть в его сторону. Так же молча мы вышли и отправились на собрание по подведению итогов вступительных экзаменов. Опять актовый зал, но на этот раз встречали нас только отец Михаил и инспектор. Собрание выглядело формальностью, но необходимой и началось с молитвы. Опять говорил только отец Михаил, инспектор всё время что-то писал и всё так же не глядел в зал. Нам зачитали списки поступивших и списки распределения по классам. Мы с Семёнов попали в один класс, а Виктор – в параллельный. На собрании я встретил того паренька, который на медкомиссии выкрикнул о вонии Плогия. Думалось, толстяк его съест, и паренёк завалится на чём-то, но нет, вот он сидел рядом со мною. Я обратился к нему познакомиться.

– Здорово ты его, – не нашёл я ничего лучшего для предложения.

– Что? – не понял меня паренёк.

– Ну, тогда на медкомиссии.

– А-а, – почесав затылок, паренёк опять покраснел, улыбаясь. – Батя мне тогда надавал пенделей.

– Что, толстяк нажаловался?

– Да... Они же с моим батей вместе эту семинарию заканчивали.

Мне стало ясно, почему Плогий не покусился на обидчика. Мы познакомились. Паренька звали Алексей Разумовский, и ему едва исполнилось семнадцать лет. Алексей рассказал, что он из потомственной семьи священников. Прапрадед, прадед, дед, отец – все были священниками. В семье отца рождались только девочки, он родился шестым и на радость батьке – сын. Теперь его черёд стать священником, хотя он хотел поступать в мединститут.

– Батя говорил, что от Плогия всегда воняло. Они его за это частенько бивали, – Алексей с охотой делился тайнами семейства. – Так батя, хоть и поддал мне за Плогия, но Плогию сказал, что если я не поступлю, то он напомним ему горячие дни шальной молодости, – с этими словами Алексей посмотрел на меня победителем.

– Ты в какой класс попал? – спросил я.

– В «б».

– Я в «а».

– Жаль, – с сожалением сказал Алексей. – Уже познакомились.

– В твоём классе будет учиться Виктор, вон, видишь, сидит с бледным лицом прямо перед нами на первом ряду, – я показал на Виктора. – Такой парень, – и подкрепил слова, подняв большой палец. – Правда, очень суеверный.

– Так ему и учиться незачем, – парировал Алексей, и глаза его мгновенно зажглись бесинкой.

Меня развеселила такая тонкая лукавость моего нового знакомого. Видно было, что Алексей – свой парень. Я приписал его к будущим товарищам. В вере не по возрасту выбирают товарищей, а по убеждениям.

Собрание закончилось поздно. Если бы не прибежал дежурный по столовой, наверное, продолжалось еще пару часов. Дежурный сообщил, что поварам пора уходить домой, и отец Михаил быстренько свернул затянувшееся мероприятие. Молитву мы читали на ходу.

Перед сном Семён подошёл ко мне и, протянув руку, улыбнулся:

– Ладно, извини.

Я не стал принимать его рукопожатия, не собираясь мириться так запросто, хотя Семён был мне чем-то симпатичен и в глубинах души я был с ним за одно, но я ещё не мог себе ответить окончательно.

– Хорошо, – не сдавался Семён. – Давай завтра пойдём и вместе откажемся от поступления в пользу тех двоих.

Семён опять ударил в самую десятку, и я опять проиграл. Да, он был циничнее меня, это следовало признать безоговорочно, но и честнее. Я не мог не отдавать себе в этом отчет и поэтому помягчел, сдаваясь. Семён оказался ещё и прозорливее. Он почувствовал изменения в моём настроении и опять протянул руку.

– Не сердись. Мы могли оказаться на их месте, – Семён как-то по-стариковски вздохнул и, довольный примирением, нырнул под одеяло. – Давай спать. Утро вечера мудренее.

Сложно было не согласиться с ним. И в этот раз я принял предложение моего соседа по комнате и, скорее всего, товарища по учёбе, без ощущения душевных терзаний и воспаления самолюбия. Моё приживание в семинарии продолжалось.

Итак, наступил тот день, когда нас, полноправных семинаристов, разбудил колокол к утренней молитве. Дьячок бегал по комнатам и поторапливал отроков. В церковь идти было недалеко, но следовало поторапливаться. Нехорошо начинать обучение с опозданий. После

ночи, проведённой в душевной закупоренной келье, спешить не хотелось, но следовало, и даже лёгкие, осознавая это, жадно хватали прохладный воздух. И всё равно тихая радость переполняла моё сердце. Я проникался в это божественное утро торжественным настроением. Белоснежный собор, словно беззубой пастью, поглощал входивших. Тишина и таинственный сумрак, в котором холодно мерцали лампадки, зажжённые перед киотами особо чтимых святых и божьих угодников, – всё это постоянные обитатели церкви. Посреди левого притвора на большом позолоченном подсвечнике потрескивали, бросая ввысь языки пламени, несколько сальных свечей для чтеца, который, приготовившись, стоял с часословом в руках. На утреннюю молитву собрались все воспитанники – от новичков до старшекласников и много новых людей; как потом выяснилось, это пришли все преподаватели семинарии и обслуживающий персонал. Служил сам ректор митрополит Владимир, помогал ему отец Михаил. Молитву прервали только раз, для того чтобы дьячок зачитал список вновь зачисленных, нуждающихся в особом благословении. Кончили службу, и митрополит Владимир выступил вперёд уже начальником. Ректор благословил нас на избранном пути и напутствовал всех на грядущий учебный год. Сердце у меня, торжествуя, вырывалось из груди. Я зачислен в первый класс семинарии! От переполнявшей меня радости я толкнул Виктора, но тот зло отмахнулся. Мне стало обидно за товарища и за однокашников, на лицах которых я не видел радости, а только еще сильнее хмарилась важность и напыщенность. Так хотелось отвесить хорошего леца или выдать добротного тумака каждому юному «батюшке». Но что поделаешь. Надо привыкать ко всему, поскольку я вступал на стезю, по которой ходят человеческая подлость, алчность, зависть и еще много пороков, за которые с той стороны ограды семинарии пришлось бы платить высокой ценой. Здесь же... Путь извилист.

С началом занятий, набежало множество старух в чёрных одеждах и наглухо повязанных платках. Они сновали повсюду, наводя порядок и настраивая поступивших на семинарский лад. Мы, семинаристы, как-то сразу невзлюбили их. Старухи вели себя как наши матери, с навязчивой заботой как за младенцами, мы же себя считали взрослыми. Злило то, что это были чужие старухи, и надо было их терпеть, поскольку они составляли молчаливую часть обслуживающего персонала семинарии. Поговаривали, они были самые рьяные доносительницы инспектору. Никто не знал правды, но слухи ползли зловещие и за это семинаристы побаивались старух и исподтишка пакостили им – сопрут чего, изведут продукты, которые старухи таскали из столовой домой. Смелчаки могли и ножку подставить. Старуха падала на землю, да так, что нос разбивала в кровь. Тогда мы все дрожали, ожидая расправы от инспектора. Со временем забывали и снова очередная подножка или другая пакость. Как нас терпели старухи, ума не приложу? В общем, хватало забот и со старухами.

Каждое утро, после молитвы, отправляемся на завтрак. Трапезы проходят в семинарской столовой. Столовая поделена на две обширные залы с разными входами и небольшой, но просторный кабинет тоже с отдельной дверью, на которой висит медное распятие, украшенное разноцветным ограненным хрусталём.

Одна зала уютно обставлена столиками на четверых человек, застеленными скатертями с салфетками и подставочкой для специй. Каждому полагаются отдельный стул со спинкой и приборы, состоящие из ложки, вилки, ножа и ложечки для десерта. Они аккуратно завернуты в белоснежную салфетку и рядненько уложены в плетённый коврик. Лакированный паркетный пол покрывает красная ковровая дорожка. В этом зале трапезничают преподаватели и семинаристы третьих-четвёртых классов. В другой зале царит естественная жизнь. Бетонный пол не блестит, а чернеет от многолетнего мытья жирными тряпками, которыми растаскали грязь по углам и те чернеют, толи от сумрака помещения, толи от усердно забитой помывкой грязи. Голые серые стены с выкрашенными краской панелями пробуждают мрачное чувство, которое усиливается при виде грубо отёсанных столов с лавками, тоже просаленных и затёртых.

На столах ковши со сваленными в них алюминиевыми ложками. Семинаристы роются в них, выбирая для себя ту одну, приметную. Одна ложка на все блюда. Семинаристы первых-вторых классов помещаются в этом зале, но всё-таки тесновато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.